

Дэйвенпорты

Автор:

[Кристал Маркис](#)

Дэйвенпорты

Кристал Маркис

Young Adult. Любовь в городе

Восхитительный, яркий, роскошный исторический роман о брате и двух сестрах из влиятельной семьи Дэйвенпортов, которые стремятся найти свое признание и свою любовь.

Для поклонников сериалов «Бриджертоны», «Аббатство Даунтон» и романов Джейн Остин и сестер Бронте.

Чикаго, 1910 год. Дэйвенпорт – одна из самых успешных, состоятельных и влиятельных семей в городе. Неудивительно, что дети Дэйвенпортов становятся объектом пристального внимания со стороны противоположного пола.

Красавица Оливия собирается выйти замуж. Точнее, собиралась, пока не встретила харизматичного и чертовски привлекательного Вашингтона ДеУайта, борца за права.

Целеустремленную Хелен женихи нисколько не интересуют. Вместо походов по магазинам за платьями она предпочитает ремонтировать автомобили. Только вот ее строгий отец от этого занятия не в восторге.

Старший брат и наследник Джон оказался втянутым в любовный треугольник. Сможет ли он сделать правильный выбор и не стать жертвой интриг?

«Великолепный дебютный роман Кристал Маркис переносит читателей в мир гламура и холодного расчета. Необыкновенное, совершенно очаровательное чтение». – Аяна Грей, автор бестселлера «Хищные звери»

Кристал Маркис

Дэйвенпорты

Москва: Эксмо, 2023. – 416 с.

ISBN

The Davenports

Krystal Marquis

Copyright © 2023 by Krystal Marquis Published by arrangement with Rights People, London through The Van Lear Agency Produced by Alloy Entertainment, LLC

Иллюстрация на обложке @00maruu

© И. Кикина, перевод на русский язык, 2023 © Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

Посвящается моим родителям, которые приняли тот факт, что медицина не для меня. Благодаря вашей любви, поддержке и самоотверженности мне хватило смелости идти к воплощению этой мечты

* * *

Чикаго, 1910 год

* * *

Глава 1

Оливия

Оливия Элиза Дэйвенпорт сняла с витрины рулон жизнерадостно-желтого шелка и приложила к своей темной коже. Яркая ткань, сиявшая в окружении рулонов приглушенных цветов, как сноп солнечного света в пасмурный день, притянула ее. Подумав, не слишком ли это яркий цвет для самого начала сезона, Оливия свободной рукой приложила к ткани образец расшитого бисером кружева и попыталась представить, как такое платье будет с тихим шорохом кружиться вокруг ее икр в танце. «А танцев будет много», – подумала девушка.

Она почувствовала предвкушение. После пасхальных торжеств пришел сезон бальных платьев и шампанского. В прошлом сезоне Оливия дебютировала в свете, а в этом будет искать мужа, пришло время. Она готова выполнить свой долг, родители будут ею гордиться – как и всегда.

Проблема только одна... Трудно найти подходящего джентльмена: из правильной семьи, образованного, наследника крупного состояния – и при этом еще и темнокожего.

Оливия сделала глубокий вдох. Желтый шелк выскользнул из ее руки. Она знала, что сказала бы мама: это кричащий цвет. И вообще, Оливия зашла сюда только забрать несколько подогнанных по фигуре нарядов.

– Помочь? – спросил кто-то за спиной Оливии, и она вздрогнула.

Рядом с ней, сцепив руки, стояла девушка-консультант. Несмотря на улыбку, холодные голубые глаза выдавали ее отношение к покупательнице.

– Я просто люблю ткани. – Оливия повернулась к стенду с широкополыми шляпками, не обращая внимания на взгляд консультантки, буравивший ей спину. – И жду подругу, – добавила она.

«Кстати, куда запропастилась Руби?» Это она уговорила Оливию отправить слуг с покупками домой и побродить по роскошным павильонам универмага «Маршалл Филдз» без сопровождения. А теперь ее и след простыл.

Девушка-консультант откашлялась:

– Заказы своей госпожи можешь забрать на стойке обслуживания. Я могу подсказать дорогу, если ты заблудилась.

– Спасибо, я знаю, где это, – ответила Оливия с натянутой улыбкой, игнорируя оскорбление.

Окружавшие их покупатели – все сплошь белые – наблюдали за разговором с растущим любопытством. За спиной Оливии кто-то усмехнулся.

Девушка вспомнила слова матери: «Всегда быть выше этого». Потому что их семья была необычной. Богатые. Красивые. Темнокожие. Руби выставляла свое богатство напоказ, точно броню (обычно в виде мехов и драгоценностей). Оливии больше нравились строгость и элегантность, какими отличалась ее мать.

Но сегодня стиль ее не защитил. И красота тоже. Девушка из магазина не замечала ничего, кроме цвета ее кожи. Оливия расправила плечи, выпрямилась в полный рост. Указала на самую большую брошь с драгоценным камнем на витрине:

– Упакуйте вот это, будьте добры. И еще вон ту шляпку. Для моей сестры. Она вечно обижается, если я хожу за покупками, а ей ничего не привожу, – заговорщическим тоном обратилась она к другим посетителям, хотя прекрасно знала, что Хелен была бы больше рада плоскогубцам, чем шляпке. Оливия медленно прошла по залу. – Еще вот эти перчатки. – Девушка задумчиво постучала пальцем по подбородку. – И пять метров того желтого шелка...

– Послушай...

– «Послушайте, мисс», – подсказала Оливия.

Щеки консультантки покраснели.

«Хорошо, – подумала Оливия, – она поняла свою ошибку».

– Мисс, – пропыхтела продавщица с явным усилием, – вы выбрали очень дорогие вещи.

– Ну что ж, – ответила Оливия, и в ее тоне не осталось и следа игривости, – такой у меня вкус. Можете записать покупки на счет моей семьи. – Она пронзила консультантку взглядом. – Моя фамилия Дэйвенпорт.

В городе было не так много темнокожих покупателей, которые могли командовать белыми продавцами универмага. И фамилия Дэйвенпорт, у которой была хорошая репутация благодаря усердному труду отца и целеустремленности матери, была известна. Отец был вхож в большинство элитарных клубов Чикаго, мать состояла в совете попечителей самых закрытых благотворительных организаций, а старший брат поступил в университет. Для темнокожих Чикаго был городом-маяком на промышленном Севере США, где люди этой расы процветали благодаря законам, введенным после Реконструкции Юга. Тем не менее такие задевающие самолюбие инциденты все еще случались.

Из толпы вышла вторая продавец-консультант, женщина постарше, с куда более приятными манерами.

– Давайте я вам помогу, мисс Дэйвенпорт. Элайза, ты свободна, – сказала она своей подчиненной. Оливия узнала эту женщину: она часто обслуживала ее

мать. – Как ваши дела, моя дорогая?

Гнев Оливии начал затухать, пока она наблюдала, как старшая женщина-консультант суетилась, заворачивала выбранные девушкой вещи в тонкую бумагу. Оливия знала, что поступила мелочно. Несмотря ни на что, она была из высшего общества. Девушка подумывала уже отказаться от покупок и попросить, чтобы товары разложили обратно, но она чувствовала, как первая консультантка сверлит ее взглядом издали. А гордости, как и много чего еще, у Дэйвенпортов было в изобилии.

Наконец явилась Руби. Увидев подругу, Оливия почувствовала облегчение: она больше не была единственной темнокожей в магазине.

Лицо у Руби покраснелось, глаза на фоне коричнево-красной кожи сияли особенно ярко.

– Я слышала шум, – сказала она с ухмылкой. – Что случилось?

* * *

Кучер Гарольд повел вожжами, экипаж отъехал от площадки перед универмагом «Маршалл Филдз» и влился в поток транспорта на Стэйт-стрит. Вечерело, на весенних улицах Чикаго было оживленно. Здания ресторанов с колоннами прилегали к фабрикам из кирпича и стекла, выбрасывающим в небо клубы дыма. Звон трамваев перебивал гудки клаксонов автомобилей. Мужчины в твидовых костюмах в спешке огибали мальчишек-зазывал, продающих газеты на каждом углу. Улицы кишели людьми всех мастей. Оливия наблюдала за ними через окно одной из многих принадлежавших ее семье роскошных легких колясок, скрытая отороченным шелком навесом.

– Ох, Оливия, – Руби взяла лучшую подругу за руку. – Эта девчонка прекрасно видела, что одно твое платье стоит больше, чем она зарабатывает в месяц. Обыкновенная зависть – вот что это было.

Оливия попыталась улыбнуться и снова сложила руки на коленях. Подруга была права, но дело тут не просто в зависти. Та консультантка смотрела на Оливию будто на воровку. Самозванку. Или что похуже.

Оливия никак не могла смириться с подобными взглядами.

Руби рассматривала лисий мех, украшавший перчатки, которые Оливия приобрела в порыве безрассудства.

– Возьми их себе, – сказала Оливия, заметив взгляд подруги.

Меньше будет напоминаний об этом досадном случае.

Руби надела перчатки и, красуясь, приложила ладони к щекам. Потом подергала бровями и высунула язык. Она корчила рожи, пока Оливия не улыбнулась по-настоящему. И девушки дружно засмеялись.

Гарольд остановил коляску перед перекрестком. Дорога вела на Северную сторону, где жили самые богатые и благополучные горожане. Там был дом Дэйвенпортов.

– О, кстати! – воскликнула Руби. – Мне показалось или это Хелен на днях вышла из вашего гаража с ног до головы в смазке? – Она сдержала смешок.

Оливия закатила глаза. Младшая сестра прямо-таки из кожи вон лезла, чтобы сделаться как можно менее привлекательной для потенциальных женихов.

– Ей надо быть осмотрительнее. Если ее в таком виде заметит папа, его удар хватит.

В детстве Оливия и Хелен были близки. Со служанкой Эми-Роуз, а потом и с Руби они превратили приусадебный парк в собственное королевство. Они часами прятались в садах от гувернантки. Потом, прошлой весной, настало время для дебюта Оливии в свете, и она решила покончить с детскими забавами, надеясь, что Хелен последует ее примеру. Но вместо этого сестра, похоже, устремилась в противоположную сторону.

Гарольд провел коляску через ворота особняка «Порт Свободы», и для глаз Оливии это была усада после утомительного дня. Особняк Дэйвенпортов был возведен на краю одного из самых роскошных районов Чикаго, и владения семьи затмевали все соседние. В детстве Оливия считала, что это из-за того, что у

родителей много денег. А позже поняла, что просто никто не хотел покупать недвижимость рядом с усадьбой темнокожих. Вокруг особняка раскинулось несколько акров земли: сады, коюшни, поля для выпаса лошадей. Последней постройкой был гараж для ремонта «экипажей Дэйвенпортов» и автомобилей, которые коллекционировал Джон.

Компания «Экипажи Дэйвенпорта» была авантюрой, на которую много лет назад пошел отец. В молодости он сбежал с плантации и, проделав сложный путь, добрался до Севера, где у темнокожих был шанс обрести нечто вроде свободы. Он мечтал создать самый роскошный конный экипаж, который стал бы чем-то большим, чем просто средство передвижения. И у отца получилось. Вскоре после того, как Уильяма Дэйвенпорта высмеяли и выгнали из мастерской, где он работал, он созвал несколько недовольных прежним начальством сотрудников и открыл свое дело, вложив в него все свои сбережения. Бизнес пошел в гору, и со временем его экипажи стали самыми желанными в мире.

Но сейчас, когда автомобили начали теснить конные коляски на улицах города, Джон убеждал отца идти в ногу со временем.

– Смотри-ка! – Руби указала на фаэтон возле гаража: – Это разве ваш?

Выглядел фаэтон очень просто. Матово-черный, тонкие колеса, без кучера – полная противоположность экипажам Дэйвенпорта с удобными бархатными сиденьями, толстыми упругими шинами для мягкости хода и с таким глянцевым покрытием, что в черной панели задника над золоченой эмблемой Дэйвенпортов можно было увидеть свое отражение.

Оливия выпрямилась и подобрала юбки.

– Наверное, одно из увлечений Джона. – Хотя зачем, с чего бы? С момента появления у Джона автомобиля они с Хелен только о нем и говорят.

– А Джон сегодня будет за ужином? – спросила Руби с показной небрежностью.

Оливия закатила глаза. У подруги не получалось скрывать интерес к ее брату.

– Ну, ему надо иногда есть, – поддразнила она.

Оливия спустилась по ступенькам экипажа и посмотрела на «Порт Свободы» – дом, в котором она прожила всю жизнь. Трехэтажный викторианский особняк бледно-голубого цвета. Крыша крутая, остроконечная, с парой башенок. Деревянные перила широкого крыльца покрыты искусной резьбой, изображающей плющ – настолько правдоподобный, что казалось, будто листья покачиваются на легком ветерке. Перед девушками открылись большие дубовые двери, а за ними широкая лестница, змеей изгибающаяся с одной стороны холла. Над холлом был витражный купол, сквозь который в дом лился свет вечернего солнца.

Дворецкий Эдвард терпеливо ждал, пока девушки отдадут ему шляпки и перчатки.

– Вы опоздали к чаю, мисс, – прошептал он.

– К чаю? – переспросила Оливия.

Мама ничего не говорила насчет чая. Оливия дернула ленту под подбородком и в замешательстве посмотрела на Руби.

Девушки быстро прошли в гостиную по натертому паркету, мимо зеркал в позолоченных рамах. Открывая дверь, Оливия задержала дыхание и нахмурилась.

– Извините за...

Но девушка замолчала, стоило ей увидеть красивого незнакомца, сидящего напротив ее родителей. Бежевый твидовый костюм облегал его гладкую темную кожу.

– А вот как раз и она.

Эммелин Дэйвенпорт поднялась с дивана, и подол ее платья заструился красивыми складками. Мать стояла безукоризненно прямо, то ли из-за туго затянутого корсета, то ли выражая решительность. Миссис Дэйвенпорт быстро глянула на дочь своими миндалевидными глазами (точно такие же глаза достались и Оливии) и мягко отвлекла гостя от мистера Дэйвенпорта и чайного

прибора:

– Это наша дочь Оливия.

Джентльмен, представший взору Оливии, был не похож на молодых холостяков, с которыми она была знакома. Он возвышался над ней, и Оливия волей-неволей поразила ширине его плеч. Его волосы были расчесаны на пробор и гладко уложены. Ни один волосок не торчал. И столь же гладко были уложены его густые усы, обрамлявшие полные губы. Эти губы при виде Оливии гость растянул в самоуверенную улыбку, продемонстрировав ровные белые зубы. Щеки у него были гладкие, подбородок с ямочкой.

Молодой человек был очень красив.

– Рада с вами познакомиться, – сказала Оливия, протягивая руку.

– Я очарован, – сказал тот и, взяв ее ладонь, склонил голову.

Голос у него был такой низкий, что вверх по ее руке пробежала вибрация. Говорил мужчина с акцентом.

Оливия заметила улыбку отца. Взгляд мистера Дэйвенпорта стал нежным. Он снял очки и положил в карман пиджака. Трость он прислонил к стулу и встал рядом с ее матерью у окна в другой стороне комнаты. Вдвоем они являли собой образ, к которому стремилась Оливия. Идеальная пара.

Краем глаза девушка уловила движение, которое заставило ее вспомнить о госте. К ним подошла Руби.

– Руби Трмейн. Кажется, мы незнакомы, – представилась она и протянула руку гостю, вклинившись между ними. Оливия встретила с джентльменом взглядом, и в глазах друг друга они заметили добрую усмешку над дерзостью Руби.

– Джейкоб Лоренс. Рад познакомиться и с вами, – сказал он.

– Мистер Лоренс недавно переехал сюда из Лондона, – с улыбкой сообщила миссис Дэйвенпорт, а потом снова повернулась к отцу Оливии.

– Вот как? Что же привело вас в Чикаго? – поинтересовалась Оливия.

Гость посмотрел девушке прямо в глаза:

– Ищу новые возможности.

«Ну естественно», – подумала Оливия.

– Какого рода возможности?

Ей с трудом удалось произнести это без нотки флирта в голосе.

Мистер Лоренс широко улыбнулся:

– Хочу расширить свой бизнес в сфере перевозок за пределы Британских островов. Несколько дней назад я познакомился с вашим отцом у газетного киоска, и он любезно предложил представить меня определенным персонам. Я заехал выразить свою благодарность.

Оливия почувствовала на себе взгляды родителей и чуть приблизилась к мистеру Лоренсу.

– Прошу прощения за опоздание. Если бы я знала, что вы собираетесь к нам на чай, я не заставила бы вас ждать.

Не сводя с Оливии глаз, мистер Лоренс ответил:

– Не стоит извинений. Мой визит был внезапным. Я только сожалею, что мы не можем пообщаться подольше.

Сердце Оливии забилось сильнее.

Руби практически втиснулась между ними.

– Обязательно приходите на вечеринку, которую устраивает мой отец в эту пятницу.

– Это мероприятие по сбору средств в рамках предвыборной кампании мистера Тремейна: он хочет баллотироваться в мэры, – сказала мать Оливии, подходя. Она повернулась к мистеру Лоренсу: – Бальная зала у Тремейнов не такая просторная, как у нас, но это определенно будет уютная домашняя вечеринка.

Оливия бросила на лучшую подругу извиняющийся взгляд и сказала:

– Мне всегда казалось, что сад Тремейнов так очарователен в это время года. Гостям можно будет туда пройти, Руби?

– Ну конечно, – фыркнула Руби. – Все ради дорогих гостей.

К мистеру Лоренсу приблизился мистер Дэйвенпорт:

– Это будет идеальная возможность познакомиться с главными лицами Чикаго.

– Вы очень добры. Лучшего занятия на вечер пятницы и не придумать. – Мистер Лоренс повернулся к Оливии: – Я смогу увидеть на вечере вас?

Девушка почувствовала трепетание в животе. Сезон только начался, а самый подходящий кавалер из всех, что она видела за свою жизнь, уже у нее в гостинной – в самом прямом смысле. Может, найти мужа окажется проще, чем она думала.

– Конечно, – ответила Оливия, и на губах у нее заиграла улыбка. – Может, даже приберегу для вас танец.

Глава 2

Хелен

«Это ни капли не похоже на схему», – думала Хелен, изучая днище поврежденного «Форда» модели «Т», который Джон утром привез в мастерскую на буксире. У Хелен были такие же ощущения, как наутро Рождества: предвкушение, тревога ожидания, ведь каждый автомобиль – новая загадка. Хотя ремонт автомобилей не был основной специализацией компании Дэйвенпортов, Джон потихоньку собрал вокруг себя лучших механиков в Чикаго, которые помогали ему обслуживать и улучшать самодвижущиеся экипажи, стремительно заполнявшие страну.

Среди этих механиков была и Хелен. Она смотрела на искореженные внутренние устройства последней находки Джона, все больше уверяясь, что брат дал ей не ту схему. Иллюстрации казались простыми, но рассматривать детали автомобиля было все равно что изучать спутанную паутину чужих мыслей. И советы, которые Джон и другие механики давали где-то там, над ее головой, не помогали. Еще чуть-чуть – и близнецы Айзек и Генри начнут перебранку. Девушка потеряла висок, отгоняя занявшуюся головную боль.

– Дай мне гаечный ключ, – сказал Джон. Он, не глядя, протянул руку и задел ладонью ее лицо.

Хелен шлепнула брата по руке и села на пол. Грязь и мазут добавили новых узоров на старом комбинезоне Джона.

– Не понимаю, почему ты не позволяешь заняться ею мне. У меня руки меньше твоих.

– Договорились. Ее чинишь ты.

За раздражением в голосе Джона слышался вызов. Мужчины, собравшиеся вокруг, прекратили разговоры. Даже вечно хмурый Малколм сделал шаг поближе. Хелен знала, что они будут следить за каждым ее движением. Когда Джон впервые позволил ей отремонтировать машину, все работники гаража единодушно запротестовали, причем Малколм возмущался громче всех. Но с тех самых пор большинство механиков наблюдали за ее работой с удивлением и благоговением. Хоть Малколм и ворчал иногда из дальнего угла, что женщина должна знать свое место. И что богатенькие детишки решили, будто его рабочее место – это детская площадка.

Все механики поклялись хранить ее тайну.

Хелен Мари Дэйвенпорт окинула взглядом разбросанные инструменты и потерла подбородок тыльной стороной ладони. Стоя на коленях в луже масла, она чувствовала себя в своей стихии, чего не ощущала больше нигде. Здесь никто не ждал, что она будет говорить учтивые фразы и знать последние слухи и веяния моды. Здесь она могла свободно утолять свое дикое любопытство.

Джону не мешали ее постоянные вопросы. Он позволял Хелен говорить, что она думает. Девушка обожала старшего брата. Они были похожи внешне: заразительная улыбка, гордая линия носа, как у отца, и погруженность в себя. И оба – мечтатели.

– Ты забыла, как выглядит гаечный ключ? – поддразнил ее Джон.

Мужчины рассмеялись над его шуткой. Айзек потянулся за схемой, которую Хелен оставила на полу. По профессии он был архитектор. Но, увидев объявление в газете, он вслед за братом пошел устраиваться в компанию «Экипажи Дэйвенпорта».

– Если хочешь, я могу посмотреть и подсказать, Хелен.

Мастерская так манила ее еще и потому, что здесь она была не «мисс Дэйвенпорт» и не «мисс Хелен». Не считая Малколма, который никогда не обращался к ней прямо, все механики называли ее просто по имени. Девушка заслужила себе место среди них, и за это с ней обращались как с равной.

В гараже она была настоящим подмастерьем.

Гараж был, конечно, не так шикарно оборудован, как завод, выпускавший экипажи, но здесь было все необходимое. Снаружи мастерская была выкрашена в тот же бледно-голубой цвет, что и особняк. Со двора сюда вели две большие поднимающиеся двери, так что можно было отремонтировать сразу два автомобиля, а свой «Форд» Джон поставил в экипажный сарай. Новые и используемые инструменты были развешаны на стене над деревянным верстаком. Верстак прилегал к дальней стене и тянулся вплоть до маленького кабинета, где Хелен с братом обсуждали будущее отцовской компании.

Хелен, повернувшись к схеме, вдруг кое-что на ней заметила, и все секреты двигателя стали ей понятны. Она выбрала нужные инструменты, и вся мастерская будто бы ушла на задний план. Девушка, затаив дыхание, склонилась над открытым мотором, внимательно его разглядывая. Вот оно, ее предназначение.

Мужчины какое-то время наблюдали за ней, но потом вернулись к своей работе. На Хелен упала тень брата. Джона, первенца и единственного сына в семье, воспитывали как наследника семейной компании по производству экипажей. Его заразительная улыбка и безукоризненное воспитание кружили голову всем леди.

Оливия была средней сестрой. Девушкой, которая всегда знала, что и когда надо сказать, и которая ни разу не измазала рукава чернилами, а подбородок – машинным маслом. Она составит хорошую партию, родители будут ею гордиться, и она всю жизнь так и будет порхать по магазинам и развлекаться, как весь прошлый год.

Хелен закрыла глаза и медленно вдохнула, чтобы успокоиться. Она тосковала по сестре – по такой, какой Оливия была раньше. Сама Хелен намеревалась применять свои извилины для решения более сложных задач, чем планирование ужинов и выбор фарфора.

Джон потянул ее за ухо:

– Ты куда улетела?

Хелен покачала головой:

– Я думаю, ты должен сказать папе, что стоит переоборудовать его компанию под автозавод. Наша компания заслуживает большего, чем просто ремонтировать машины «Форда» и «Дженерал Моторс». Вот «Студебеккер» и «Паттерсон» уже...

– Хелен, – вздохнул брат. – Мы уже это обсуждали. Он не разрешает рекламировать даже ремонт автомобилей. И никогда в жизни не согласится на завод по их производству.

Девушка подняла на него глаза:

– Согласится, если ты сумеешь правильно подать эту идею. Может, папа и тверд в своем мнении, но он любит факты. Согласна, это риск. Но мы должны на него пойти.

– Я не смогу отстаивать это предложение так, как могла бы ты. – Джон принялся перебрасывать из руки в руку шестерню планетарной передачи. – Ведь это ты сделала расчеты, все спланировала, составила бюджеты.

– А ты предсказал тенденции рынка, договорился насчет более крупного здания под завод в центре города, и кроме того, – она ткнула брата в грудь, – признал, что мои расчеты верны.

– Ты права. Мы команда. – Он помассировал место под левым плечом, куда она его ткнула, и нахмурился: – Мне, кажется, будет неправильно, если я преподнесу папе эту идею как только мою.

Хелен рыкнула. Лицо у нее запылало от нерешительности во взгляде Джона.

– Ты же прекрасно знаешь, что надо мной папа только рассмеется и выставит меня из кабинета.

Слегка подкрутив кое-что в ходовом оборудовании «Форда», она отобрала у брата шестерню и поставила ее на место. У Хелен живот свело при мысли о том, чтобы сказать отцу о своем тайном желании: официально работать на компанию «Экипажи Дэйвенпорта». Джон будет хранить ее тайну, пока сестра не будет готова. Пока она не накопит достаточно опыта, чтобы доказать отцу: она может прославить семью не меньше, чем старшие брат и сестра.

– Просто мне кажется, что ты не даешь ему шанса, – сказал Джон. – Вдруг он тебя приятно удивит.

Хелен закусила губу. А что, если Джон прав? Хелен представила, как входит в кабинет отца со своими планами и цифрами. Она столько раз мысленно произносила речь перед ним, что уже могла воспроизвести ее даже во сне. В лучших, самых смелых снах папа был поражен и гордился ею.

У Джона дернулся уголок рта.

– Когда у вас появляется идея, у вас выражение лица одинаковое. Ты гораздо больше похожа на него, чем тебе кажется.

В груди Хелен расцвела надежда. Она уже почти уплыла из реальности, но тут вдруг боковая дверь гаража распахнулась.

На пороге стояла Эми-Роуз. Рукав у нее был выпачкан мукой, а к шее прилипло несколько выбившихся волнистых прядей. У нее были выразительные глаза орехового цвета и кожа среднего коричневого оттенка, вся усыпанная веснушками. Ее глаза впились в Хелен.

– Вот ты где! Честное слово... – Эми-Роуз споткнулась о порог. – Твоя мама тебя звала, – выпалила она, сильно запыхавшись. – Я сказала, что ты в ванной.

Казалось, Эми-Роуз не сможет раскраснеться еще сильнее, но тут она заметила Джона, сидящего рядом с сестрой.

Джон встал первым.

– Спасибо, Эми-Роуз. – Он протянул руки к сестре и поднял ее. – Иди в дом, пока мама и папа не застукали тебя в таком виде.

Иногда Хелен даже хотелось, чтобы родители увидели ее такой, – тогда ей больше не пришлось бы прятать от них часть своей личности.

Хелен вытерла ладони о штанины и быстро обняла брата. От обоих разило машинным маслом, и непонятно, от кого сильнее. Потом девушка рысцой побежала за Эми-Роуз, поглядывая на окна особняка.

Глава 3

Эми-Роуз

Эми-Роуз подобрала мокрое полотенце Хелен с пола ее спальни и повесила в примыкающей к комнате ванне. Отыскав Хелен в гараже с Джоном, она поспешно препроводила младшую дочь Дэйвенпортов в ванную и помогла ей одеться к ужину. Теперь Хелен была внизу с остальными членами семьи, а Эми-Роуз прибиралась. Потом ее помощь потребуется на кухне.

Дальше по коридору была спальня Оливии. Комнаты девушек были зеркальными отражениями друг друга: большие кровати с балдахином, толстые персидские ковры, дорогие яркие обои, – но на этом сходство заканчивалось. Оливия поддерживала в своей комнате безупречный порядок: у каждой вещи было свое место. Она никогда не бросала одежду на полу. Книги выстроились ровными рядами. Несколько семейных фотографий украшали полку над камином.

В детстве Эми-Роуз часами играла здесь – с сестрами Дэйвенпорт они вместе устраивали утонченные чайные вечеринки для кукол, шептались о своих надеждах и мечтах глубокой ночью, когда их мамы уже крепко спали.

Когда ее мать была жива.

Эми-Роуз вспомнила день, когда она с матерью, Кларой Шепард, оказалась на длинной, усыпанной гравием подъездной дорожке к особняку «Порт Свободы», самому большому дому, что она видела в жизни. Здесь все было величественное, блестящее и красивое. Особенно семья, которая называла этот особняк своим домом. Семья Дэйвенпортов единственная в Чикаго согласилась взять служанку с ребенком: никто больше не хотел кормить лишний рот. В этом новом и странном месте так далеко от дома Эми-Роуз обрела подруг.

Ее мать ушла из жизни три года назад. Иногда Эми-Роуз удавалось представить, будто мама просто в другой комнате: протирает люстру, заправляет постель или поет колыбельные на французском. Часто Эми-Роуз убегала в их общую спальню и падала на колени от невыносимой боли от того, что ее больше нет. Потом боль ослабевала, и тогда ее мысли наполнялись счастливыми воспоминаниями. Самыми дорогими были мамины истории о Сент-Люсии. О разноцветных птицах, которые прилетали к их дому, о ярких манго, которые росли у них во дворе, о сладком аромате бугенвиллеи, который смешивался с соленым морским воздухом. Девушка скучала по виду на горы, Грос-Питон и Пти-Питон, тянущиеся к небу. Когда они покинули остров, Эми-Роуз было всего пять лет, так что она помнила не так много. Но воспоминания ее матери казались ей собственными.

Они редко говорили о шторме, который забрал всех остальных членов их семьи и уничтожил их дом. Их новый дом был здесь.

Коридор с ковровой дорожкой вел в маленькую гостиную, где девочки проводили почти все время. Туда практически никто не заходил, кроме маленького терьера, и сейчас развалившегося на роскошной шелковой подушке в углу. Эта комната представляла собой мешанину из упорядоченного классического стиля Оливии и самых свежих увлечений Хелен (книг о Риме и учебников об автомобильных двигателях). Здесь даже Руби оставила свой след: маленький сервировочный столик для чая был усеян образцами духов из универмага «Маршал Филдз».

Эми-Роуз вздохнула и спустилась по лестнице на внушительную кухню Дэйвенпортов.

– Хорошо, что ты пришла, – громыхнул голос из кладовой. – Возьми вот это. И это.

Главная повариха Джесси сунула в руки Эми-Роуз картонку яиц, не удосужившись посмотреть, готова ли девушка их подхватить.

Джесси с такой силой плюхнула на разделочный стол мешок с мукой, что любимый чайный сервиз миссис Дэйвенпорт на подносе звякнул. Повариха уперла кулаки в широкие бедра и медленно повернулась к Эми-Роуз:

– Неужели надо столько времени, чтобы затянуть эту девчонку в корсет?

Она снова развернулась, широкими ладонями пихнула тарелки в раковину.

Сразу видно, что Джесси никогда не пробовала одеть Хелен Дэйвенпорт.

– Надо было еще привести в порядок ее прическу, – сказала Эми-Роуз. – Ее волосы не держат завивку столько, сколько волосы Оливии.

Из другого прохода появились Генриетта и Этель и тут же стали прибираться на кухне. Джесси на них не взглянула, даже когда Этель положила руку ей на плечо. Главная повариха таращилась на Эми-Роуз, будто знала, что мысли

молодой служанки витают где-то далеко и никак не связаны с работой.

– Мне кажется, ты помогаешь этой девчонке не попасться на шалостях, в которые тебе совсем не надо впутываться. – Джесси глубоко и протяжно вздохнула, и ее грубоватый тон смягчился: – Я знаю, что ты любишь этих девочек как сестер, но послушай меня: они тебе не сестры. Тебе пора перестать мечтать о том, как было раньше, и начать думать о том, как есть сейчас. Они скоро выйдут замуж. – Джесси указала на гору кастрюль в раковине, на служанок, чистящих серебро. – Тогда ты больше не будешь нужна Дэйвенпортам.

Эми-Роуз бочком подошла к раковине, чтобы помыть руки, и сдернула с крючка фартук, стараясь не слышать горькой правды в словах Джесси. Вместо этого она позволила себе мысленно перенестись к витрине мистера Спенсера в тот недалекий день, когда она перевернет вывеску на двери с «Закрыто» на «Открыто». В тот день, когда на фасаде над входом будет уже ее имя, а очередь из клиентов будет ждать ее товаров и услуг обученных ею парикмахеров. И тогда фартук будет защищать ее одежду не от картофельных очисток и капель соуса, а от масла для волос и шампуня.

– А кто сказал, что я еще буду здесь работать, когда это произойдет? – пропыхла Эми-Роуз. – Через несколько недель моих сбережений в банке «Бинга» хватит, чтобы арендовать помещение у мистера Спенсера.

Эми-Роуз посмотрела на повариху, которая вот уже много лет стояла у нее над душой, как слишком опекающая крестная мать. Когда она сказала о своих планах Джесси, они показались ей еще более осуществимыми. Чем-то более настоящим, чем неуловимая мечта, которой Эми-Роуз поделилась со своим другом Томми. Когда она говорила с ним на конюшне, салон был просто желанием. Томми был единственным человеком, который знал о ее намерении уйти от Дэйвенпортов и открыть собственный бизнес. Он ходил с ней в банк, чтобы подать заявку на кредит. Томми верил в нее почти так же твердо, как она сама.

– Месяца два назад, – продолжала девушка, не дождавшись ответа от Джесси, – я предложила мистеру Спенсеру продавать в его парикмахерской мои мощные кондиционеры для волос. – Эми-Роуз почувствовала, как по телу расходится тепло. – Они имели большой успех. Мистер Спенсер сказал, что они разошлись мгновенно. А потом он поехал к дочери в Джорджию. У него там внуки, и...

Джесси смахнула ладонью горку муки над краешком чашки.

– Девочка, давай уже про парикмахерскую. – Тут она повернулась, уложила ладонь на бедро и посмотрела на Эми-Роуз увлажнившимися глазами: – Ну, не тяни, – сказала повариха, прочистив горло.

Эми-Роуз зарделась:

– Мистер Спенсер согласился сдать мне в аренду свою парикмахерскую, и тогда он сможет переехать на юг, к дочери.

Эти слова она выпалила так быстро, что в легких не осталось воздуха. Она заметила, что остальные служанки замерли, забыв о работе. Сердце бешено забило, когда Эми-Роуз увидела то, как широко раскрылись их глаза, как они медленно повернулись к Джесси. Повариха Дэйвенпортов и самопровозглашенная начальница над прислугой прижала ладони к щекам, обошла разделочный стол для мяса и обняла Эми-Роуз.

– Ох, твоя мама так тобой гордилась бы! – воскликнула Генриетта, стоявшая у буфета с серебряной посудой.

– Гетти права. Твоя мама тобой гордилась бы. – Джесси погладила Эми-Роуз по щеке. – Но пока ты еще здесь, отдели-ка желтки от белков.

В ее указании не было обычной строгости, и Эми-Роуз послушно взяла нож.

Гетти подошла к девушке и сказала (хотя старалась, наверное, прошептать):

– А как же мистер Джон?

– Он когда-нибудь унаследует компанию отца. – Эми-Роуз прогнала от себя образ Джона, каким она увидела его в гараже: поношенные штаны, рукава засучены до локтей. Мышцы его предплечий перекачиваются под кожей. – А у меня будет своя собственная.

Джесси обернулась, лицо ее скривилось (она явно намеревалась прочитать новую нотацию), но тут заметила движение за окном:

– А этому мальчишке что надо?

Эми-Роуз проследила за взглядом поварихи и увидела в саду Томми, сына Гарольда. Парень махал ей рукой. У него была кожа теплого коричневого оттенка и широкие, искрящиеся энергией глаза глубокого карего цвета – они могли расположить к себе любого. После смерти матери Эми-Роуз кормила и расчесывала лошадей вместе с Томми: на свежем воздухе ей становилось полегче. Они вместе подолгу ездили верхом по пастбищам Дэйвенпортов и в итоге стали близкими друзьями. Когда Эми-Роуз рассказала Томми о своей мечте когда-нибудь открыть парикмахерскую для темнокожих женщин, Томми поздравил ее так, будто она ее уже открыла. От воодушевления друга надежда Эми-Роуз окрепла.

– Это подождет, – недовольно сказала Джесси, но Эми-Роуз уже пошла к выходу.

Томми расхаживал взад-вперед вдоль ограды, крутя в руках шляпу. В его глазах был непривычный азарт, и во всех его движениях чувствовалась такая кипучая энергия, что сердце Эми-Роуз наполнилось одновременно радостным возбуждением и страхом. Как и Эми-Роуз, Томми вырос рядом с детьми Дэйвенпортов, но он никогда не переступал черту, разделявшую семью господ и прислугу. Он так и не стал другом Джона, своего ровесника, хотя единственный сын Дэйвенпортов проводил в мастерской и на конюшне столько же времени, сколько единственный ребенок главного кучера. Казалось, на одного только Томми не действовало обаяние Джона.

– Я уезжаю, – заявил Томми вместо приветствия.

Эми-Роуз замерла на полушаге.

Томми продолжал:

– Я договорился с проводником на железной дороге на Санта-Фе, он согласился сделать мне скидку на билет. Я еду на запад.

– На запад? – повторила Эми-Роуз.

Она не могла осмыслить слова Томми. Хотя отъезд друга не должен был стать для нее неожиданностью. Он пытался сбежать из «Порта Свободы», едва достаточно вырос, чтобы работать, «не зря есть свой хлеб», как говаривал его отец. Томми поклялся, что уедет отсюда и сам сколотит состояние.

– Я разговаривал с человеком из Чикагского отделения Национальной лиги негритянского бизнеса. Он сказал, что на западе новые города растут как грибы. Там уйма возможностей.

– И где у тебя будет больше возможностей, чем здесь?

– Мне нужно начать жизнь на новом месте, где меня не будут называть одним из слуг Дэйвенпортов. Я не собираюсь вместо уздечки брать в руки набор чистильщика обуви, когда в стране все перейдут на безлошадный транспорт. – Томми опять принялся крутить шляпу. Его в этот миг было не узнать. – Эми-Роуз, мне предложили работу в страховой компании.

Эми-Роуз растерялась:

– Ты хочешь продавать страховки?

Друг рассмеялся:

– Они занимаются не только этим. Они помогают темнокожим предпринимателям брать займы и приобретать недвижимость. Благодаря этому выросла южная сторона Чикаго. – Томми вплотную подошел к Эми-Роуз и взял ее руки в свои. – Через шесть недель я сяду на Калифорнийский экспресс. – Он обнял ее за плечи. – Я хотел, чтобы ты узнала об этом сразу после отца. – Друг отстранился от Эми-Роуз и покачал головой, будто и сам был поражен своей новостью. – А еще я хотел сказать тебе спасибо.

– Мне спасибо?

– Ты меня вдохновила. Я слушал о твоих планах насчет салона, смотрел, как ты донимала каждого предпринимателя в центре вопросами до тех пор, пока тебя

не выставляли за дверь. – Тут они оба улыбнулись, вспомнив, как Клайд, хозяин галантерейной лавки, именно так и сделал. – Когда ты принесла свои сбережения в банк, ты была настоящей силой, с которой хочешь не хочешь, а будешь считаться. – Друг рассмеялся. – По-моему, я тебе был без надобности. – Томми посмотрел на подругу с искренней теплотой, и у девушки от нахлынувших чувств защемило в груди. – Не за горами тот день, когда ты воплотишь все свои мечты в жизнь. И я хочу, чтобы у тебя получилось. И у меня тоже.

Эми-Роуз бросилась ему на шею. От Томми пахло сеном и лошадьми, по?том и решимостью. Томми словно пролил бальзам на ее истерзанную душу, когда ей нужен был друг. Он хороший человек, трудолюбивый и полный достоинства. Как она могла не поддержать его?

– Не беспокойся, – добавил он. – Я приеду навестить отца. И успею как раз к торжественному открытию твоего салона.

Девушка рассмеялась, чувствуя ком в горле, и отступила на шаг. Эми-Роуз попыталась представить «Порт Свободы» и Чикаго без Томми. И мир вокруг ей показался тусклее. Как будто прочитав ее мысли, друг провел пальцем по ее щеке и поймал слезу, которая не успела упасть. Он сказал:

– Каждому когда-то приходится покидать дом.

Глава 4

Руби

Руби Тремейн любила свою подругу, правда любила, но ничто так не напоминало Руби об условиях ее собственной жизни, как момент отдыха на кровати Оливии под шелковым балдахином после долгого хождения по магазинам за вещами, которые Оливию особо и не волновали.

Жизнь Руби сводилась к строгому планированию расходов и вежливым улыбкам, при этом Маргарет, служанка, которая теперь у Руби с матерью была одна на двоих, распарывала старые платья девушки и пыталась перешить их так, чтобы

они выглядели дерзкими и непохожими на прошлогодние модели и могли бы сойти за новые. К счастью, благодаря последней моде на более узкие и короткие подолы ткани для этого хватало.

Руби пыталась не обращать внимания, что отец все строже контролирует ее траты, ведь самые влиятельные лица города по-прежнему каждую неделю приезжали к ним на ужин и их семья на ипподроме всегда располагалась в особой ложе. Но вот прошлой весной Генри Тремейн усадил жену и дочь в своем кабинете и сообщил, что собирается баллотироваться в мэры. «И всем нам придется внести свою лепту», – сказал он.

«Внести свою лепту».

«Внести свою лепту» все чаще означало, что решения принимают родители, а последствия выходят боком дочери. Руби старалась сосредоточиться на выгодах, которые ждут их, когда отец станет наконец мэром. Она жила в куда лучших условиях, чем ее двоюродные братья и сестры в Джорджии, которые благодаря помощи ее отца недавно смогли получить во владение землю, которую раньше дядя арендовал под ферму. Они выращивали хлопок – сырье для тканей, которые производились на прядильной фабрике-общезитии Тремейнов. Но неурожай на Юге наложил на отток финансов из-за предвыборной кампании, и это сказалось на положении семьи.

Сначала было даже забавно. Новые красивые политики, с которыми можно было флиртовать, даже несмотря на то, что приходилось терпеть бесконечные дебаты по поводу заработной платы и переполнения фабрик.

Однако и года не миновало, как Руби начала сомневаться, подошел ли ее отец хоть на шаг ближе к тому, чтобы сделаться первым темнокожим мэром Чикаго (как бы ни был неприятен ей этот укол сомнения). Наверняка она знала только то, что поездка в Париж на лето становится все маловероятней.

Естественно, Руби уже несколько раз собиралась поделиться всем этим с лучшей подругой, но слова застревали где-то в груди. Каждая новая покупка Оливии ранила гордость Руби и заставляла подавлять ядовитую горечь, клокочущую внутри. Девушка пряталась между витринами магазина и любовалась товарами, убеждая себя, что даже легче, когда не чувствуешь давления от необходимости что-то купить. По крайней мере, это позволяло Руби уединиться, когда она была

в плохом настроении, которого она не показывала подруге.

Оливия зашла в спальню со стороны их с Хелен общей гостиной.

– Что ты слышала о Джейкобе Лоренсе? – спросила она и посмотрела в окно. Глаза ее светились.

Руби пожала плечами:

– А ты?

Оливия покачала головой.

– Но он – это что-то, правда? Я бы хотела больше о нем узнать, но боюсь, если я проявлю к нему слишком сильный интерес, мама от меня не отстанет. – Оливия улыбнулась. – Как ты думаешь, существует тайный каталог, по которому родители выбирают дочкам подходящих мужей?

– Я бы на него подписалась, – вздохнула Руби. В груди у нее защемило от мысли о Джоне.

Оливия нахмурила изящные брови. Она, видимо, почувствовала тревогу Руби, потому что сказала:

– Мы скоро станем настоящими сестрами. Я уверена, что, как только Джон успокоится и бросит попытки произвести впечатление на папу, он сделает тебе предложение.

Руби машинально протянула руку, чтобы потереть кулон, но слишком поздно вспомнила, что он больше не украшает ее шею. Вместо этого она стиснула лежавшую на коленях подушку и так же цепко ухватилась за ободряющие слова подруги:

– Надеюсь.

Когда Джон был рядом с ней, у Руби пересыхало во рту и крутило живот. Она любила его, сколько себя помнила. И несмотря на легкий флирт, несколько

поцелуев украдкой и явное одобрение родителей с обеих сторон, Джон еще не сделал предложения.

Это беспокоило девушку.

Как и Оливия, Руби достигла брачного возраста. Ей пора было вить гнездо и выходить замуж. А с учетом того, что материальное положение ее семьи становилось все более шатким, ей требовалось срочно найти хорошую партию – такую, которая обеспечит Руби богатство и место в обществе. Все это мог бы дать ей Джон, но что важнее, Руби никогда не хотела быть ни с кем другим.

Она опустила глаза и вдруг поняла, что распустила шнур, окаймлявший подушку. Девушка отбросила ее, и рука опять невольно потянулась к шее, туда, где во впадине меж ключиц еще недавно сверкал драгоценный камень, созвучный ее имени. Ее внезапно наполнило жгучее желание увидеть Джона. Напомнить ему, почему быть вместе – их судьба.

– Пойдем вниз, – предложила Руби. – Мы опоздали на чай, так, может, мы искупим свою вину, если на ужин придем раньше?

Руби шла впереди. «Порт Свободы» она знала как собственный дом, который находился недалеко отсюда. Девушки спустились по парадной лестнице и пошли на звук голосов через холл в гостиную, где уже собрались все члены семьи. Эта гостиная была выдержана в бордовых и золотых цветах. Здесь Дэйвенпорты обычно принимали гостей. Человек, которого Руби так хотела увидеть, стоял один у камина, покачивая в ладони бокал янтарного напитка.

«Это мой шанс», – подумала Руби.

Она подошла к огню. При виде Джона ее кожу начало покалывать. Она сложила губы в мягкую улыбку и коснулась его плеча.

– Добрый вечер, – сказала она, пряча волнение за небрежной интонацией.

Джон вздрогнул от неожиданности и повернулся к девушке.

Руби положила ладонь на его запястье.

– Я не хотела тебя напугать.

– Я просто задумался, – улыбнулся Джон, направив на нее всю мощь своего взгляда.

В один момент Руби мысленно перенеслась под белые дубы, высаженные по периметру угодий Дэйвенпортов. Хелен позвала Руби и Оливию на гонку верхом. Лошадь сбросила Руби с седла и скрылась за деревьями. Хелен и Оливия были где-то далеко впереди и не видели, что случилось, но их брат примчался на помощь.

Пока Джон осматривал ее щиколотку, Руби думала только о том, какой же он красивый. И о том, как ей хочется его поцеловать. И в тот момент, пока решимость не растаяла, Руби потянулась к нему.

Все тело Джона напряглось, одна его ладонь обхватывала ее щиколотку. Потом он расслабился и ответил на мягкое прикосновение ее губ. Грудь девушки так и затрепетала. Руби приподнялась на колени и прижалась к нему. Она задрожала, когда ладони Джона легко скользнули по ее плечам, спине и замерли на затылке, делая поцелуй глубже.

Когда они наконец оторвались друг от друга, жадно хватая воздух, Руби чуть не упала ему на колени. Его сердце мощно билось под ладонью девушки. Джон улыбался ей. Он молча помог Руби встать и проводил ее в дом. Это был их первый поцелуй – и, естественно, не последний.

Джон и сейчас смотрел на ее губы, как будто его пленило то же самое воспоминание.

Лицо Руби вспыхнуло, и она сделала еще шаг к нему.

– Ты сейчас едешь верхом? – спросил Джон, практически читая ее мысли.

– Не так часто, как хотелось бы, – ответила Руби с улыбкой.

Она не стала добавлять, что родители оставили только двух лошадей, а остальных продали.

Джон пригубил свой напиток.

- Если погода будет хорошая, надо будет нам прокатиться на следующей неделе после обеда.

Руби смогла сохранить на лице сдержанную улыбку.

- Если солнце будет печь, мы сможем спрятаться в тени дуба.

Глаза Джона широко распахнулись, но как раз в тот момент, когда Руби наконец полностью завладела его вниманием, появилась Эми-Роуз с полной бутылкой напитка, который был в бокале Джона.

- Спасибо, Эми-Роуз. - Джон протянул свой бокал служанке, и чары воспоминания мгновенно испарились. - И спасибо, что помогла сегодня сестре. Я знаю, с Хелен бывает непросто.

- О, это ерунда, - ответила Эми-Роуз, опуская глаза.

Она по-прежнему была непростительно красива для служанки. Руби не видела другой девушки, черты которой казались бы ей такими безупречными вблизи, притом без всяких бриллиантов, блеска и румян.

Руби шагнула к Джону. Из-за близости к нему, из-за жара от камина и из-за того, как Джон смотрел на Эми-Роуз, Руби ощутила каплю пота, сбегаящую по спине.

- Давай найдем более уединенное место, - предложила она Джону, желая вернуться к прерванному разговору. Девушка зыркнула на Эми-Роуз, та кивнула и отошла.

Теперь надо было напомнить Джону о том, что их некогда связывало и что может связать их в будущем. Но из этого ничего не выйдет, если ее избранник будет так смотреть на служанку.

* * *

С улицы кирпичный дом Руби казался пустым, заброшенным. Особняк Тремейнов располагался ближе к полному суety центру Чикаго. Руби вышла из экипажа у парадного входа. Она невольно подумала, что по сравнению с «Портом Свободы» их особняк казался домом с привидениями. В нем не было тепла, как в доме Дэйвенпортов, и семьи, которая вдохнула бы в него жизнь.

Посреди пустого холла Руби чувствовала себя привидением, духом, беззвучно скользящим то в дом, то из него. Она даже рада была царящему здесь мраку. Этот мрак скрывал перемены, из-за которых в душе ее поселилась грусть: то тут, то там была пустота на месте картин и сувениров – милых ее сердцу бесценных безделушек. Их было не сосчитать.

– Руби, милая, это ты?

Голос матери донесся из тускло освещенной комнаты дальше по коридору, когда девушка уже почти дошла до лестницы. Плечи ее поникли.

– Да, – тихо ответила Руби.

Внутри у нее все сжалось, и она еле шагала по холлу, который прежде был выстлан теплым обюссонским ковром.

Мистер и миссис Тремейн сидели по обе стороны от медленно затухающего в камине огня и пили херес. Руби остановилась перед ними, будто ее вызвали, чтобы отчитать за провинность.

– Как прошел твой вечер? – спросила мать.

Руби уставилась на алеющие угли.

– Замечательно.

Она старалась сдерживать нервные движения, потому что мать их терпеть не могла.

– У Дэйвенпортов все в порядке? – не отставала мать.

Руби посмотрела на нее и увидела себя через двадцать лет. Даже в тусклом свете можно было разглядеть царственные очертания носа и чувственные губы. Хотя у миссис Тремейн фигура была объемнее, ее легко можно было принять за старшую сестру Руби.

- Да.

Мистер Тремейн резко поставил свой хрустальный бокал на стол для закусок.

- Хватит любезностей. Ты говорила с Джоном?

Отец, высокий мужчина с круглым животом, повернулся в кресле и хмуро уставился на Руби. Он был на десять лет старше жены, на висках его была заметна легкая проседь, но острый, пронизывающий взгляд его глаз ничуть не потускнел с годами.

- После ужина мы с Джоном ненадолго остались наедине, - начала она. - Вспомнили детские приключения, посмеялись...

- Руби, - сказала мать, - это не касается дела.

Миссис Тремейн не повысила голоса, но было в ее спокойном, сдержанном тоне что-то такое, отчего волоски у Руби на предплечьях приподнялись.

- Он пригласил меня на конную прогулку, - сказала девушка, шагнув ближе.

- Когда? - Голос мистера Тремейна слишком резко прозвучал в тишине, и его жена и дочь вздрогнули.

Руби посмотрела на родителей, поняв, что неверно подала новости. Надо было сказать, что она все еще готовит Джона к тому, чтобы он задал тот самый вопрос, который им так хотелось услышать.

- Мы... не назначили точную дату.

Губы матери сжались в тугий узелок.

Мистер Тремейн ударил ладонью по колену и вскочил со своего кресла.

– Я рассчитывал объявить о твоей помолвке с Джоном Дэйвенпортом на вечеринке в эту пятницу.

Руби втянула воздух сквозь зубы. Как он может планировать объявление до того, как Джон сделал предложение?

– Милая. – Мать встала и взяла руку Руби. Лицо женщины едва заметно смягчилось. – Джон – хороший человек, притом из замечательной семьи. Твой брак с ним мог бы спасти нашу семью. Вместе Тремейны и Дэйвенпорты могут стать примером того, чего возможно добиться в нашем городе. Я надеюсь, что ты прилагаешь все усилия.

В голосе матери звучала поддержка, но при этом пальцы ее цепко держали руку Руби.

– Я стараюсь, мама, – сказала Руби сдержанным тоном и отошла от нее на несколько шагов.

Как она вообще смеет такое спрашивать у Руби? Девушка пустила в ход все свои скромные улыбки, вовремя заливалась мелодичным смехом, выгибала бровь и «случайно» натыкалась на Джона в садах Дэйвенпортов. Как объяснить родителям, что, несмотря на все ее старания, возможно, все пойдет вразрез с их планами? Никто не спрашивал Руби, хочет ли она быть лицом прогресса темнокожих. Родители поставили на кон все, что у них было – и ее будущее, и свое, – чтобы убедить целый город, будто успех семьи Тремейнов можно легко повторить.

С тяжелым сердцем Руби вышла из комнаты, гадая, кто из них больше мечтает о ее помолвке.

Глава 5

Оливия

– И обязательно занеси их в здание.

– Да, мама.

Руки Оливии уже ныли от тяжести корзины. Ее мама напекла кексов для бесплатной столовой на Южной стороне.

Миссис Дэйвенпорт положила в корзину еще два кекса.

– Очень важно помогать тем, кто менее обеспечен, Оливия. Мы с вашим отцом никогда бы не добились нынешнего положения, если бы нам не помогали.

Оливия выпрямилась.

– Я знаю.

День был чудесный: идеальная погода для пешей прогулки вдоль озера или поездки в открытом конном экипаже. И вот мама попросила ее съездить в город и отвезти корзину. Вообще-то сегодня это должна была делать Хелен, но она куда-то подевалась еще до завтрака. Оливия была сильно раздосадована, хотя и корила себя за это чувство. Ну конечно, мама может на нее рассчитывать.

– Я прослежу, чтобы кексы достались волонтерам.

Эммелин Дэйвенпорт коснулась ладонью ее щеки. А дочери другого поощрения и не требовалось. Пока она шла из кухни к конюшням, корзина отскакивала от ее бедра. У конюшни Томми уже запрягал лошадей.

– Мисс, – сказал он, принимая у нее корзину и помогая подняться в коляску.

Оливия устроилась на мягком кожаном сиденье, рядом поставила корзину. Особняк «Порт Свободы» скрылся за деревьями.

Рестораны и магазины города замелькали по сторонам от Оливии, сливаясь в единое пятно. Вскоре они оказались на Южной улице, представлявшей собой уменьшенную копию Стэйт-стрит. Здесь было полно лавок, рынков и

организаций, которыми владели темнокожие (включая салоны красоты, юридические фирмы и больницу). До того как прическами семьи Дэйвенпорт занялась Эми-Роуз, Эммелин с дочерьми то и дело устраивала себе поход по магазинам и визит в здешний салон красоты. Оливия никогда больше нигде не видела, чтобы в одном месте было так много людей, похожих на нее. Некоторые из них раньше были рабами, как ее отец. Другие родились свободными на востоке, как мать. Все они надеялись начать новую жизнь в этом городе, который давал им возможность сделаться совершенно другими людьми. Музыка здесь, похоже, была доминирующим звуком: дерзкий джаз разливался в воздухе, точно запах свежего хлеба. Возле парикмахерской, поставив ноги перед чистильщиком обуви, мужчины делились друг с другом новостями, а матери не отпускали от себя детей ни на шаг. Это взбудоражило девушку и, если бы она себе в этом призналась, встревожило.

Оливия вышла из экипажа с корзиной в руке.

– Я отдам это и вернусь, – сказала она Томми через плечо.

Посещения Центра социальной поддержки учили Оливию скромности. Девушка видела, что ее жизнь сильно отличается от жизни людей, выстроившихся в очередь за консервами и горячим обедом.

– Мисс Оливия, как я рада вас видеть! – воскликнула Мэри Брукер, которая организовала благотворительную раздачу продуктов и одежды и следила за бесплатной столовой.

– Здравствуйте, мисс Мэри.

Оливия поставила корзину на стол за буфетной стойкой.

Мэри встала рядом, спрятав руки под фартуком.

– Держу пари, что вкус у них такой же отменный, как и запах. Передайте нашу благодарность вашей матушке.

– Конечно.

С этим Оливия, довольная, что избавилась от своего небольшого груза, вышла в столовую. Стены были голыми, и вокруг столов оставалось немало пустых стульев. Девушка вспомнила, как оживленно было в этом зале во время Пасхальных торжеств три недели назад. Сейчас в столовой народу оказалось куда меньше.

– Я опоздала или заехала слишком рано? – спросила она.

– Ни то, ни то. Видимо, у людей появилось дело поважнее.

Пока Мэри говорила, какой-то молодой человек поставил свой поднос на стол и быстро вышел: он торопился.

Оливия попрощалась и предупредила Мэри, что сестра заберет корзину на будущей неделе.

Выходя, она заметила на углу группу парней и девушек примерно ее возраста. Они шептались и нервно смеялись. Оливию одолело любопытство. Понятное дело, у нее были подруги: Руби, сестра, Эми-Роуз и еще несколько девушек, с которыми она могла поболтать, – но от того, как эта компания друзей перешептывалась и смеялась, у Оливии что-то внутри всколыхнулось.

Сама не осознавая, что делает, девушка пошла за ними следом и завернула за угол Библиотеки Ньюбери. Компания остановилась возле неприметного дома посреди мощеной улочки. Простое кирпичное здание выглядело опрятно. Шторы были задернуты. Оливия наблюдала, как молодые люди скрылись в здании, а за ними туда зашли еще несколько человек: зрелый мужчина, ровесник ее отца, и пожилая женщина под руку с юношей, который что-то шептал ей на ухо. Каким-то образом Оливия догадалась: в Центре социальной поддержки сегодня пусто именно из-за того, что происходит в этом доме. И там творится нечто настолько важное, что ради этого и пожилые, и молодые готовы собираться в темноте.

Ее поприветствовал высокий мужчина в чересчур тесном костюме. Ступени крыльца покосились вправо.

– Собрание вниз по лестнице. Пригните голову.

Оливия нырнула под низко нависающую над лестничной площадкой балку. Приглушенный гул голосов внизу показался ей похожим на звук полета колибри, полной энергии, юркой и неуловимой. В подвале было темнее, чем на первом этаже. Свет попадал сюда только сквозь узкие окна высоко под потолком. Люди с кожей всех оттенков коричневого по очереди заглядывали за вторую дверь, располагавшуюся возле импровизированной сцены. Оливия замирала, замечая среди собравшихся белые лица. Но ни одно из них не было ей знакомо по тем кругам, которыми мистер и миссис Дэйвенпорт ограничивали общение своих детей.

- Вы, кажется, заблудились? - раздался тихий голос за ее спиной.

Пальцы Оливии сильнее стиснули сумочку и перчатки, которые она прижимала к груди.

- Я не заблудилась.

Она поглядела на незнакомца из-под поля шляпки. Мужчина задрал подбородок, чтобы разглядеть что-то поверх толпы.

- А-а, - сказал он, - значит, вы с кем-то здесь встречаетесь.

Мужчина заложил большие пальцы за отвороты пиджака. Его костюм в серую полоску сидел по фигуре и явно был сшит на заказ, но было и заметно, что он далеко не новый. Оливия была на каблуках, и глаза незнакомца оказались примерно на уровне ее глаз, так что девушке трудно было спрятать взгляд. Лицо молодого человека опустилось к Оливии, и ее поразили светло-медовый цвет его глаз, высокие скулы и ослепительно-белые зубы: незнакомец обезоруживающе улыбнулся.

- Нет... - начала было девушка, но тут же смолкла.

Это посторонний. Она не должна ему ничего рассказывать.

- А, так, значит, вы все же заблудились, - кивнул мужчина, рассматривая тщательно подобранные детали одежды и аксессуары Оливии. - Дорогое платье. Начищенные туфли. А руки такие, будто ни дня не работали как следует.

Он рассмеялся над изумившейся его словам Оливией. Смех у мужчины был обволакивающий и так полон веселья, что оно будто выплескивалось на окружающих. Оливия почти забыла, что смеется-то незнакомец над ней.

– Только из-за того, что на мне хорошая одежда...

– Хорошая? Мисс, раскройте глаза.

Оливия проследила за его взглядом. Собравшиеся здесь люди в подержанной обуви и плохо сидящих костюмах прошли через такие трудности, каких она и представить не могла. Девушка догадывалась, что некоторые, как и она, были свободными детьми бывших рабов. Мистер Дэйвенпорт никогда не рассказывал толком о своих родителях, прошлой жизни и о том, чего ему стоило добраться до севера страны. Как будто его жизнь началась в Чикаго, где он работал в мастерской по ремонту экипажей и познакомился с Эммелин Смит.

Ладони Оливии потянулись к крупным золотым пуговицам на блузке. Она вдруг поняла, что если продать одну такую пуговицу, то вырученных денег хватит, чтобы прокормить человека в течение недели, – и от этого уши ее запылали. Толпа стала плотнее. Оливия почувствовала себя зажатой между незнакомцем и женщиной, стоявшей справа. Столкнувшись с девушкой плечом, женщина обдала ее облачком пудры и запаха масла ши.

– Миссис Вудард.

Оливия узнала близкую подругу преподобного Эндрюса. Миссис Вудард и преподобный работали на благо Центра социальной поддержки.

Миссис Вудард, женщина средних лет, твердо пожала Оливии руку, а потом скрестила руки на груди. Двубортный пиджак был на ней в тон кремовой юбке. Жемчужная заколка не давала копне ее кудрей упасть на лицо.

– Вы придете на собрание для женщин?

Оливия окинула зал взглядом. И правда, в набитом людьми подвале женщин было не меньше, чем мужчин.

– Знаете, мы хотим получить избирательное право, – сказала молодая женщина рядом с миссис Вудард. На ней было темно-синее платье, похожее на униформу, белые чулки и ботинки. Она выпятила подбородок. – Мы заслуживаем права влиять на ситуацию, – сказала собеседница, вперив взгляд в стоявших перед ней мужчин. – Не меньше, чем они.

Вскоре Оливия оказалась окружена женщинами, обсуждавшими работу и политику. В них была уверенность и прямота, которые девушке сразу понравились. Они были как Хелен: уверенные в себе и целеустремленные. Оливия явственно ощущала присутствие рядом с ней грубого и высокомерного молодого человека, который краем глаза наблюдал за каждым ее движением.

– А как вы оказались в старом доме Самсона? – осведомился он. Его тенор разительно контрастировал с более высокими женскими голосами.

– Я не знаю, зачем я здесь, – призналась Оливия. – Я пришла вслед за компанией из Центра соцподдержки.

Она показала на подростков, столпившихся ближе к сцене.

Мужчина кивнул:

– Они пришли послушать мистера ДеУайта.

Оливия ждала, что он пояснит.

– И кто же он такой?

Ее раздражение росло. Сначала этот человек намекнул, что ей здесь не место. А теперь притворяется тугодумом.

– Адвокат из Алабамы.

Людей в подвале еще прибавилось, и стало жарко. Все это ради какого-то адвоката?

Молодой незнакомец продолжил:

- Его статьи в «Дефендере» заставили людей заговорить о своих правах и Джиме Кроу.

- Джиме Кроу?

Оливия отвела взгляд, пытаясь припомнить то, что слышала урывками: что-то насчет ограничений для темнокожих в южных штатах. Она закусила губу и устыдилась того, как мало ей удалось вспомнить.

Рот незнакомца дернулся в зарождающейся ухмылке. Оливия подозревала, что этот мужчина знает, что у него красивая усмешка.

- Все даже хуже, чем я опасался, - сказал он. От желания поставить его на место Оливию бросило в жар, но она не успела ответить.

- Хорошо, что вы пришли, - произнес он. Подбородок его указывал на кого-то за спиной Оливии.

Это явился преподобный Эндрюс. Он прошел мимо Оливии и ее собеседника, поднялся на сцену и встал на перевернутый ящик. Все замолчали, будто паства перед тем, как взревет орган, играя вступительный гимн. Но из уст преподобного Оливия услышала вовсе не привычные слова службы.

Он откашлялся.

- Благодарю вас за то, что вы пришли. Я знаю: время сейчас тяжелое и опасное. Может показаться, будто некая сила куда мощнее нас пытается отбросить нас назад, стоит нам сделать хоть шаг к равенству.

Женщины кивнули, обмахиваясь веерами, мужчины стиснули зубы. Кто-то бормотал молитвы сквозь чуть приоткрытые губы.

- Но мы не должны терять веру. - На эти слова люди, окружавшие Оливию, хором ответили: «Аминь». - Не будем затягивать: мистер Вашингтон ДеУайт.

– Прошу прощения, – сказал загадочный молодой человек, который устроил Оливии допрос.

Девушка наблюдала, как он мягко прокладывает себе путь к сцене.

До нее дошло не сразу.

«Так он и есть мистер ДеУайт?»

Незнакомец запрыгнул на ящик, на котором только что стоял преподобный. Нашел глазами в толпе Оливию и подмигнул ей. От этого сердце у девушки забилось быстрее. Как бы ей хотелось исчезнуть, взбежать по ступеням наружу. Но она не желала, чтобы этот человек знал, насколько сильно вывел ее из равновесия. Она усилием воли заставила себя остаться на месте и выдержала взгляд, который будто впился в нее.

Вашингтон ДеУайт, адвокат из Алабамы, говорил ровно и уверенно. Он описывал растущую безработицу и ограничения по отношению к темнокожим при найме и при поступлении в образовательные учреждения. О голоде и жестокости, которые заставляли темнокожих бежать на север и запад страны. Он описал картину, настолько не похожую на мир, который знала Оливия (на ее долю время от времени выпадали разве что оскорбительные замечания каких-нибудь мелких служащих), что девушка помимо воли усомнилась в его словах. Но потом она посмотрела на окружавших ее мужчин и женщин. По многим гордым лицам текли слезы. У нее в животе все сжалось, дыхание стало прерывистым.

– Установленные на Юге законы Джима Кроу постепенно распространяются к Северу.

Пылкие слова мистера ДеУайта так и звенели. Люди заулюлюкали и затараторили. Преподобный попытался их успокоить. Какой-то мальчонка сунул Оливии в руки потрепанный голубой буклет. Она прочитала законы, недавно введенные в родном штате мистера ДеУайта, Алабаме. Каждое предложение начиналось со слов «Незаконным считается», выделенных жирным начертанием. Каждый из пунктов списка перечеркивал одно из прав, которые Оливия всю жизнь принимала как данность. Темнокожим запрещалось поступать учиться или устраиваться на работу в государственные учреждения, заниматься предпринимательством, находиться в общественных местах рядом с белыми

людьми. Список продолжался на следующей странице.

– Темный цвет нашей кожи считается чем-то опасным. И политика, которая подтачивает государственные институты и отбирает у нас недавно отвоеванные нами права, продиктована страхом! – продолжал он.

Все больше слушателей начинали переговариваться. Стоявшая рядом женщина кивнула, ее спутницы зашептались друг с другом. ДеУайт прокричал:

– Я призываю всех быть бдительными! Тяжкие времена недалекого прошлого еще не миновали!

У Оливии будто ледяная вода пробежала по спине. Она запихнула буклет в карман жакета. Ее разум силился вообразить, как эти законы могли бы повлиять на ее семью: уничтожить все, что родители создавали с таким трудом, все, что должен был развивать ее брат.

Мама называла их семью редкостью. Отец был рабом, как и его родители, и их предки, и так далее. Он не рассказывал, каково ему приходилось. Мать велела проявить терпение: придет время и отец все им поведаст. Дети Дэйвенпортов знали только то, что рассказывала им гувернантка из истории, позволяя домысливать худшее. Оливия помнила тот момент, когда осознала, что каждого ее темнокожего знакомого коснулись ужасы рабства. Иногда Оливии казалось, будто под ее гладкой кожей скрыта глубокая рана. Девушка не помнила, как ее нанесли, но рана все равно болела.

Примерно раз в месяц отец закрывался в своем кабинете с мистером Тремейном и их информаторами с Юга. Это были люди, которые за деньги искали членов семьи, с которыми была утеряна связь. Они искали ее дядю, брата отца, который помог ему сбежать.

Джон первым заметил, что в такие дни мама придумывала себе занятия вне дома. Она родилась свободной, но у нее была своя боль в сердце. И о своем горе она тоже не рассказывала. Вместо этого она создала для своих детей броню из всего самого лучшего, что только можно купить за деньги. Благодаря ее предусмотрительности они могли безопасно передвигаться по городу, для них были забронированы места за столиками, где они привлекали нежелательное внимание, но одновременно служили примером успеха темнокожих людей в

обществе. Средств у семьи было в избытке, и они могли себе позволить помогать другим. Казалось, мир, в котором родители создали компанию «Экипажи Дэйвенпорта», разрушить невозможно.

Щеки Оливии горели. Трудно было дышать. Неужели всему, что было ей знакомо, ее миру угрожал невидимый враг, тот, о котором родители ей почти ничего не говорили? А может, они и сами не знают об опасности? «Но они не могут не знать». Оливия вспомнила, как мама при поездках в город старалась не отпускать их от себя ни на шаг. Даже когда они отправлялись в Центр соцподдержки, их обязательно сопровождал кто-то из слуг. О нет! Сколько она здесь проторчала?

Под усиливающийся гул голосов Оливия принялась проталкиваться к выходу.

– Вы ведь не уйдете так рано?

Вашингтон ДеУайт сошел со сцены и догнал ее.

– Я... я совсем забыла о времени. Я опаздываю на встречу, – запинаясь, ответила Оливия. Взгляд ее заметался по помещению.

– Как вам моя речь? – крикнул ей вслед мистер ДеУайт, пока Оливия спешно взбегала по ступенькам.

– Я... я... – Девушка не знала, что сказать. Она одновременно безоговорочно верила ему и категорически отказывалась верить.

* * *

– Мисс Оливия!

Томми прыгнул с облучка, как только она выбежала из подвала на залитую солнцем улицу. На лбу у парня блестел пот, а кепка в его кулаке превратилась в мятую тряпку. Кучер посмотрел на мистера ДеУайта, бегущего за Оливией, и нахмурился.

– Извините, что я напугал вас, мисс, но я вас обыскался. Нам пора ехать.

– Да, конечно, – ответила Оливия рассеянно. Она все еще не оправилась от потрясения.

Вашингтон ДеУайт легонько коснулся ее плеча, и туман, окутывавший мысли Оливии, немного развеялся.

– Вы придете на следующее собрание? Мы сняли этот подвал на ближайшие несколько месяцев.

– Мистер ДеУайт...

– Пожалуйста, зовите меня Вашингтон.

Желудок Оливии сделал кульбит от того, как небрежно этот человек отбросил формальности, точно они давнишние друзья. Девушка смотрела, как Томми открыл перед ней дверь экипажа.

– Мистер ДеУайт, – сказала она, чувствуя чуть заметное трепетание в груди, – я думаю, что это не приведет ни к чему хорошему.

Адвокат снова рассмеялся, но сейчас его смех не показался Оливии добрым.

– Я понимаю. – Мистер ДеУайт взял ее за руку и помог подняться в экипаж. Потом наклонился к ней: – Не забивайте себе голову этими глупостями. – Он окинул взглядом ее порозовевшую шею, потом снова посмотрел прямо в глаза. – Ваши мысли наверняка слишком заняты жемчугами, вечеринками и всяческими прекрасными вещами. Просто наслаждайтесь жизнью.

С этими словами адвокат захлопнул дверь коляски, и она тронулась. Мистер ДеУайт стоял на тротуаре, а Оливия глядела на него, пока коляска вливалась в поток транспорта. Его оскорбление обжигало ей щеки.

Хелен

Хелен, все еще в халате, таращилась на свое отражение в зеркале над туалетным столиком. Вечером будет большое торжество у Тремейнов, и Эми-Роуз приложила все усилия, чтобы укротить кудряшки Хелен и стянуть их на макушке. Младшая дочь Дэйвенпортов никогда не понимала, зачем выпрямлять волосы перед завивкой, ведь стоит волосам высохнуть, и они сами скрутятся в тугие петли. Неужели она не имеет права решать, какую сделать себе прическу? И кто вообще установил эти правила – как должны выглядеть волосы?

Она только и думала о том, что бессмысленно просидела в своей комнате столько часов, которые могла бы провести в библиотеке или гараже. Под паутиной из заколок-невидимок кожа ее головы невыносимо зудела, но девушка понимала: если она хоть мизинец засунет под это переплетение, мама обязательно заметит.

Хелен обернулась на платье, лежавшее на кушетке, и вздохнула. Талия у платья была завышена, а складки юбки ниспадали, точно каннелюры колонны. Вокруг выреза поблескивал хрусталь. Эта вечеринка ничуть ее не интересовала. Девушка была в ужасе оттого, что придется вести пустые разговоры о том, как она подросла и как продвигается ее учеба.

Вдруг в дверь постучали.

– Войдите.

В комнату медленно вошел Уильям Дэйвенпорт. Хелен полюбовалась белой накрахмаленной рубашкой отца, резко контрастировавшей с жилетом и свободными брюками цвета полуночи. Проследила за его взглядом, скользившим по комнате, в которой она никому не позволяла прибираться. Мало того, что по ее спальне были разбросаны книги и схемы, здесь валялась еще и обувь, тут и там стояли чашки с недопитым чаем и тарелки. Эми-Роуз и Оливия журили ее за беспорядок. Хелен же утверждала, что лучшие умы в таком беспорядке и живут. Она прочитала в одной книге, что хаос подпитывает творческое начало. Теперь она медленно повернулась к отцу: интересно, считает ли он ее неряхой?

Малышкой отец обожал Хелен. Он усаживал младшую дочь на колени, а она таскала его за уши, водила пальчиком по лицу, очерчивая его профиль, задавала ему вопросы. Вопросы обо всем, в том числе о лошадях и экипажах. Хелен вспомнила один день, когда отец был в беззаботном и игривом настроении. Он разрешил каждому из детей по очереди вести лошадей, запряженных в экипаж, по подъездной дорожке. Первый раз Оливия пустила лошадей медленным, размеренным шагом. Но Джон, который уже несколько раз правил до этого, изображал из себя такого уверенного кучера, что Хелен прямо-таки завелась. И когда пришла ее очередь в следующий раз, она щелкнула поводьями и отправила лошадей в галоп. Ветер до красноты исхлестал ей щеки и сорвал шляпку с головы. Мистер Дэйвенпорт запрокинул голову и рассмеялся. «Вот это папина дочка!» – крикнул он ей вслед.

– Хелен, – обратился он к ней сейчас, снимая очки, – а тебе не пора одеваться на вечеринку?

– И почему люди вечно пытаются меня одеть? – пробормотала она себе под нос.

Мистер Дэйвенпорт наклонился над ее столом, постучал тростью, подвигал несколько атласов, которые она не удосужилась убрать.

– Сегодня у меня был интересный разговор с Джоном, – сказал отец.

– Да? – спросила Хелен с пробудившимся любопытством.

Она повернулась к зеркалу и наблюдала, как отец в отражении прошел по комнате и взял с прикроватного столика какую-то книгу. Девушка заметила, как сильно они похожи: упрямый нос и большие карие глаза достались ей от папы.

– Да. Он сказал, что купил сломанный «Форд» модели «Т». Что в мастерской уже делают ставки, кто найдет причину неисправности. И что один человек близок к разгадке.

Легкая улыбка приподняла краешки губ Хелен. Она несколько дней провела в гараже, работая над двигателем. Джон выгнал ее оттуда незадолго до ланча.

Теперь мистер Дэйвенпорт возвышался за ее плечом. Он молча положил на туалетный столик перед дочерью инструкцию к автомобилю.

– Механики говорят, что каждое утро кто-то снимает очередную запчасть. Полностью чистит. Исключительные способности к устранению неисправностей. Я хотел поощрить этого механика. Может, машину удастся починить. Но ни один из работников понятия не имеет, кто все это делает, – проговорил отец, и сердце Хелен застучало быстрее.

Хелен уставилась на инструкцию, тщетно ища слова, хватаясь за них, точно за соломинки. Папа расстроен? Но кажется, что он поражен... Девушка сделала глубокий вдох и, посмотрев в зеркало, встретилась с отцом взглядом.

Замялась.

Голос отца упал до шепота:

– Покажи мне руки.

Внутренности Хелен сжались. Она неохотно подчинилась. Отец мягко разжал ее кулак. Несмотря на то что Хелен сделала теплую ванночку для рук с лавандой, а потом оттирала их щеткой, в уголках ногтей все равно остались предательские черные следы. Во вздохе отца слышалось такое разочарование, что для Хелен этот миг был невыносим.

– Это земля, – сказала девушка, и этой ложью предала собственную гордость. – Я помогала Джесси в огороде.

– Я не потерплю лжи, Хелен, – резко сказал мистер Дэйвенпорт. – Я запрещаю тебе ходить в мастерскую и общаться с грубиянами.

Девушка опустила взгляд.

– Они мои друзья.

Мистер Дэйвенпорт рыкнул:

– Они тебе не друзья. Это мои подчиненные. Малколм беспокоится, что...

– Малколм! – вырвалось у Хелен. Возмущение скрутило ее нутро. Этот гадкий механик намертво вцепился в устои. Надо было раньше догадаться, что он ее выдаст.

– Гараж не место для леди. Там люди работают, потому что вынуждены зарабатывать на жизнь. Это не детская площадка. Ты красивая девушка и должна этим гордиться. Пора тебе повзрослеть, Хелен.

Дочь сгорбилась. Фантазия о том, как отец ее похвалит и широко улыбнется, узнав о ее достижениях, испарилась.

– Я никакая не леди. Я могу столько пользы принести компании, если ты только дашь мне шанс. Если бы мне только...

Молчание мистера Дэйвенпорта было самым громким звуком, какой Хелен слышала в жизни. Даже громче, чем ее учащенное дыхание. Жесткость его взгляда заставила дочь утихнуть. Но вот утомленные карие глаза отца снова стали привычными, теплыми. Мистер Дэйвенпорт слегка ущипнул ее подбородок и посмотрел ей в глаза. Хелен могла бы поклясться, что грусть в его душе такая же глубокая, как и в ее.

– О компании позаботится Джон.

Слова отца разорвали ее сердце и выдавили из него надежду до последней капли.

– А теперь поторопись, – сказал он. – Мы скоро выезжаем.

Отец повернулся, чтобы уйти. Сейчас она видела его очертания размыто. Девушка прижала ладонь к губам и сделала долгий, прерывистый вдох. Дверь за отцом со щелчком закрылась.

Эми-Роуз

Когда Дэйвенпорты наконец уехали на вечер к Тремейнам, в доме все стихло. Эми-Роуз и оставшиеся слуги не ждали их возвращения раньше рассвета, как раз к моменту, когда начнется их новый долгий рабочий день. Хотя вообще-то Эми-Роуз повезло больше, чем остальным.

Ее обязанности были связаны в основном с обслуживанием Оливии и Хелен. Аккуратная Оливия практически не оставляла работы для нее, а Хелен не позволяла ей убираться в своей комнате, чтобы служанка ничего не нарушила в ее творческой обители. Так что по утрам Эми-Роуз наглаживала их платья и укладывала волосы. А после этого могла заниматься чем угодно.

Девушка вздохнула. Интересно, каково это, всю ночь веселиться, танцевать, пить шампанское и ни о чем не тревожиться? Она положила пудру и румяна Оливии в шкатулку для косметики и выключила свет.

Потом прошла в противоположное крыло дома, где Генриетта – Гетти – прибиралась в спальне мистера и миссис Дэйвенпортов. Хотя в этом крыле «Порта Свободы» комнат было меньше, они были роскошные. Миссис Дэйвенпорт окружала себя шикарными коврами и непомерно большими диванами, такими же твердыми и неподатливыми, как она сама. Ее гардеробная была просторнее, чем квартира, в которой Эми-Роуз жила с матерью до переезда сюда. Эми-Роуз прислонилась к дверному косяку, Генриетта в этот момент разглаживала одеяла быстрыми взмахами кистей.

– Я здесь почти закончила, – сказала Гетти. – Может, сходишь на кухню и подготовишь все к возвращению Джесси?

Эми-Роуз кивнула. Повариха Дэйвенпортов сегодня с раннего утра уехала к Тремейнам, чтобы помочь с угощениями. Миссис Тремейн попросила ее об этом, потому что надеялась подать гостям особенные десерты Джесси.

Придя на кухню, Эми-Роуз обнаружила, что Джесси уже все отскребла и натерла. Эми-Роуз мысленно прочитала благодарственную молитву и села у длинного кухонного стола, чтобы поработать над своими планами относительно салона красоты и над рецептами бальзамов. Каждый вечер, переделав все дела, она

часами составляла списки, экспериментировала, рисовала, стирала, перерисовывала до тех пор, пока не оставалась довольна, а потом переворачивала страницу и начинала все сначала. Ее пальцы гладили краешек одной из страниц, как мама когда-то гладила ее по щеке, укладывая спать.

Эми-Роуз читала свои рецепты, собирала ингредиенты, чтобы приготовить что-нибудь новое. Банка меда. Бананы размять и смешать с жидким сахарным сиропом. Хранившиеся на самых высоких полках масла, выжатые из растений и трав, которые она собрала в саду. Все необходимое для идеального средства, которое нужно наносить перед мытьем головы. Эми-Роуз не понимала, что нужно для того, чтобы вести бизнес, зато знала, что нужно, чтобы волосы были блестящими и здоровыми. Составляя свои средства для волос, она успокаивалась, мысли ее в это время бродили среди бесконечных возможностей, которые могло дать ей будущее.

Эми-Роуз вздохнула и зашуршала карандашом по странице тетради, зарисовывая идеи для интерьера салона рядом с рецептом бананово-медового средства. Ее салон красоты будет солнечный и гостеприимный. Она хотела, чтобы там подавали чай и закуски. Все будет выдержано в сиреневых тонах: это был любимый цвет ее матери. Напротив каждого кресла для клиента она представила большие, в позолоченных рамах зеркала, в которых будет отражаться нежный узор обоев. Удобные раковины для мытья и споласкивания, элегантная надпись на бутылках с продукцией и на вывеске над дверью... Вот только она никак не могла определиться с названием.

Тут со стороны входа в кухню загромыхали шаги. Это был Джон Дэйвенпорт: галстук развязан, пиджак перекинут через руку. Точно подогнанные по размеру брюки облегали его длинные стройные ноги. Эми-Роуз полагала, что Дэйвенпорты уже уехали на вечеринку. «Что он здесь делает?»

Джон быстро поднял взгляд и улыбнулся. Его легкий, беззаботный нрав смягчил черты лица, во многом доставшиеся Джону от матери.

– Думаешь, утюжок защитит от грабителей? – Он протянул к девушке ладонь. – Он же не горячий?

– Что? – Эми-Роуз посмотрела на свои руки. Оказывается, она прижимала к груди утюжок для волос. А она даже и не помнила, как схватила его. – Извините. Я

думала, все ушли.

Щеки ее начали гореть.

– Я задержался в гараже. А потом так спешил одеться, что оторвал пуговицу, – объяснил Джон, показывая на рубашку. – Ты хорошо шьешь?

– Сносно, – сказала Эми-Роуз, рассматривая пол.

– Я попытался сам пришить пуговицу, но только палец исколол.

– Не уверена, что пришивание пуговицы можно назвать шитьем, – пошутила девушка.

В то же мгновение, как слова сорвались с губ, Эми-Роуз о них пожалела. Ее тон подразумевал близкую дружбу, которая исчезла, когда она превратилась из товарища по играм в служанку. В сердце кольнуло, и Эми-Роуз вспомнила совет Джесси. Прошное должно оставаться в прошлом. У нее во рту пересохло от собственной дерзости, но Джон только рассмеялся. Она смотрела, как подсакивает его кадык, как на только что выбритой щеке появляется ямочка. Вскоре девушка робко рассмеялась вместе с ним.

Джон ловко расстегнул рубашку.

– В любом случае тебе понадобится вот это, – сказал он, подавая рубашку Эми-Роуз.

Та постаралась сосредоточиться на рубашке, а не на накачанных мышцах рук Джона, который остался в одной майке. Не смотреть, как его только что отпаренные брюки облегают талию. Пальцы девушки пробежались по швейному набору, нашли нужную иглу и шелковую нить, достаточно прочную, чтобы пуговица не отлетела, когда рубашка застегнется на его широкой груди.

– А что бы вы делали, если бы не нашли никого, кто смог бы ее пришить?

– Ходил бы голым, наверное.

При этих словах Эми-Роуз чуть сама не воткнула иголку в палец. Она зарделась и сделала вид, будто не услышала.

Джон придвинулся, чтобы понаблюдать за ее работой. Бедро молодого человека коснулось стола так близко от Эми-Роуз, что она почувствовала запах мыла, исходящий от его кожи, ощутила тепло, исходящее от его тела. От такой близости к Джону ее кожу начало покалывать. Еще несколько стежков, и пуговица была надежно пришита.

– Спасибо, Эми-Роуз. – Джон поднес рубашку к лицу. – Это куда лучше, чем просто «сносно». Даже моя мать ничего не заметит.

Он засунул руки в рукава, ткань натянулась на широких плечах.

Эми-Роуз улыбнулась и сложила швейный набор.

– А это что такое? – поинтересовался Джон, указывая на бумаги на столе.

Этот вопрос застал девушку врасплох. Джон взял в руки зарисовку ее салона. Он нахмурил лоб, изучая мечту Эми-Роуз, изображенную на бумаге.

Может ли она с ним поделиться? Даже Джесси не видела ее планов.

Пальцы Джона вскользь коснулись ее пальцев. Эми-Роуз заглянула ему в глаза. Было в них что-то такое, что придало ей смелости.

– Я хочу открыть свой салон красоты, – призналась девушка. – Специализироваться на волосах черных женщин, делать им прически. Сейчас мы многое пытаемся делать по журналам, которые составляют люди, которые на нас не похожи.

Эми-Роуз повернулась к своей тетради и пролистала ее, страницы пестрели составами для выпрямления и завивки на смеси французского и английского. Плечи ее расслабились, голос стал громче. Она провела исследование, изучила опыт других новаторов в парикмахерском деле. Забросала вопросами женщин в аптеках на Южной стороне, чтобы понять, какие средства им подходят лучше всего. И ей помогла мать. Эми-Роуз записала все, чему она ее научила.

– У красоты не одно-единственное лицо.

Когда она посмотрела на Джона, тот внимательно разглядывал ее. Щеки девушки зарумянились. Сколько раз она представляла себе такой момент... Волевой подбородок Джона был в каких-то сантиметрах от ее лица. Его кожа была гладкая, насыщенного коричневого цвета, контрастировавшего со снежной белизной рубашки.

Глаза Джона изучали ее лицо.

– Я думаю, это замечательная идея.

Его пальцы снова коснулись ее пальцев. По руке Эми-Роуз пробежал электрический разряд и прокатился по всему телу, вплоть до пальцев ног. От наполнившей девушку энергии кожа ее стала будто саднить, по рукам прошла волна мурашек.

– Вот ты где!

Этель резко остановилась, заметив незаправленную рубашку молодого мистера Дэйвенпорта и пылающее лицо Эми-Роуз. Они резко отстранились друг от друга, как два магнита с одинаковым зарядом.

– Извините меня, мистер Джон, – произнесла Этель, пристально разглядывая обоих. – Я искала Эми-Роуз.

– Добрый вечер, – ответил тот официальным тоном. – Я как раз собирался выезжать. – Он повернулся к юной служанке: – Спасибо еще раз, Эми-Роуз. Не знаю, что бы я делал без тебя.

Он посмотрел ей в глаза долгим взглядом. Сердце Эми-Роуз пустилось в галоп.

Глава 8

Руби

Музыканты прибыли вскоре после дополнительной obsługi. Рано утром нанятые по случаю приема служанки и повариха Дэйвенпортов деловито вошли с бокового хода, чтобы подготовить особняк Тремейнов к празднеству. Все они поклялись хранить молчание насчет того, что ресурсы семьи иссякают. Без тканей с фабрики главный источник прибыли Тремейнов был фактически перекрыт. О повышении арендной платы в общежитии Тремейнов не могло быть и речи, так что эти деньги едва покрывали стоимость здания.

А предвыборная гонка не могла ждать. Как не мог ждать и отец Руби.

Девушка оделась без помощи Маргарет, пытаясь выбросить из головы мрачные мысли. Платье облегало ее фигуру и было несколько более скандальным, чем могла бы одобрить мать. Но внешнее благополучие было превыше всего, и одеться по последней моде было в духе Тремейнов, даже если для этого пришлось пожертвовать платьем, сшитым в прошлом сезоне. Руби сделала высокую прическу, чтобы открыть длинную шею и изящные плечи.

Она чувствовала себя драгоценным камнем. И все же чего-то не хватало.

Руби посмотрела на свою голую шею и нахмурилась. Она бросила взгляд на дверь за спиной, опасаясь, что может прийти мать.

«Только разок полюбуюсь», – сказала она себе. Девушка подняла крышку шкатулки красного дерева, стоявшей на комод. Послышалась музыка. Нежная мелодия напомнила ей колыбельную. Руби отодвинула в сторону сережки и хрупкий золотой крестик на цепочке. Аккуратно приподняла дно шкатулки. Свет заблестел на грани рубина, спрятанного в тайном отделении. Камень был великолепный, в форме слезы.

При виде его у Руби, как и всегда, перехватило дыхание. Камень-тезка был подарком от матери и отца на ее шестнадцатилетие. Это было до того, как мечты стали для них важнее счастья. Еще раз быстро глянув на закрытую дверь, Руби взяла кольцо за концы замка-карабина.

Темно-красный камень улегся в ложбинку на ее горле. Он был точно в цвет роскошной ткани платья. «Он бы сейчас подошел идеально», – подумала девушка с грустью, которую она хотела бы проглотить, но не могла. Отец решил

баллотироваться в мэры из благородных побуждений. Но Руби не могла сдержать горечи, которая вздымалась внутри оттого, что ей приходилось прятать самое ценное, что ей когда-либо принадлежало. Это мучило девушку почти так же сильно, как и ожесточение, которое она почувствовала, когда родители попросили ее продать рубин. Как они могли? Это был подарок от них, а не какая-то безделушка. Камень был величественный, восхитительный, оправленный в золото. Идеальное отражение ее собственной уверенности в себе (в те моменты, когда Руби не ощущала себя второй скрипкой рядом с лучшей подругой). Стоило ей взять подарок родителей, а тем более надеть – и она чувствовала себя смелой и сильной.

Руби ничуть не сожалела о том, что заложила вместо рубина ожерелье матери. Так ей и надо: нечего было просить такое от родной дочери. А то, что мать так и не заметила пропажи, только подтвердило, что Руби приняла верное решение.

Музыка смолкла, и во внезапно повисшей тишине девушка услышала шаги за дверью. Она увидела, как ручка поворачивается, и завопилась с застывшей. Прятать рубин было уже поздно. Но нельзя было, чтобы кто-то узнал, что Руби его не продала. Камень и тонкая цепочка исчезли под вырезом платья.

– Ты готова? – спросила появившаяся на пороге миссис Тремейн.

– Да, – быстро ответила Руби.

Она перенесла вес на другую ногу, надеясь загородить собой шкатулку на комод, которая выглядела так, будто ее взломали. Кожа девушки потеплела, когда Руби почувствовала на себе взгляд матери.

Миссис Тремейн вздохнула. Подошла к Руби.

– Я знаю, что ситуация оказалась сложнее, чем мы ожидали, когда твой отец вступил в предвыборную гонку, но это не навсегда. Погиб не весь урожай. И твой дядя пытается заключить контракты с другими фермами. Нужно просто немного подождать.

Руби напряженно кивнула, пока мать поправляла шаль, накинутую на ее плечи. Цепочка колье скользнула глубже, щекоча кожу. Руби надеялась, что корсет платья затянут достаточно туго и камень не звякнет об пол у ее ног.

– Возможно, твой отец этого не показывает, но он гордится тобой, – сказала мать.

Тело Руби застыло. Она хотела еще ненадолго удержать гневную решимость.

– Просто придерживайся плана, и все остальное устроится само.

План. В груди Руби снова вспыхнула злость. План, насчет которого ее мнения никто не спрашивал. Она решила, что продолжит защищать то, что важно для нее, начиная с маленькой частички ее личности, зацепившейся за многослойное платье. Руби так мечтала о том дне, когда станет хозяйкой в собственном доме, а рядом будет муж, который будет ее обожать, и куча детей. О том дне, когда к ней не будут относиться как к средству для достижения целей.

– Руби, что ты сделала со своей шкатулкой для драгоценностей? – Миссис Тремейн подобрала кусочки, казавшиеся обломками.

– Какая же это шкатулка для драгоценностей, если драгоценностей в ней нет?

Мать посмотрела на нее ровным взглядом с некой долей сочувствия. Потом как будто приняла решение, и лицо ее стало жестким. Она тихо сказала:

– Смени настрой, прежде чем спускаться к гостям.

«Настрой». Руби выдохнула, и весь ее гнев вырвался из легких с такой силой, что корсет чуть сдвинулся. Ее любимое кольцо со стуком упало на пол. Камень заскакал по паркету и остановился у скругленного мыска шелковой туфли матери.

– Руби, – сказала миссис Тремейн, и голос ее превратился в шепот, когда она нагнулась, чтобы поднять рубин. – Я думала, ты отдала его оценщику вместе с другими вещами. Ты ведь должна была отдать ему все мелкие ценные предметы, когда он приходил к нам.

Руби смотрела, как свет поблескивает на изящной цепочке. Яркий камень исчез в ладони матери, и с ним – все оправдания, которые девушка могла придумать.

– Руби?

– Вместо него я отдала другую вещь, – сказала она. Пульс начал гудеть в ушах. – Он мой. Я не понимаю, почему мне нельзя оставить его себе. Вы продали почти все остальное.

Миссис Тремейн была неколебима:

– Ты знаешь, скольким людям мы могли бы помочь?

«Всегда другим людям, – подумала Руби. – А мне – никогда». Они не собирались помогать родной дочери, которой приходилось улыбаться и притворяться, что все в порядке. Кроме того, по сути, все деньги уходили на предвыборную кампанию.

– А как же я?

Голос Руби прозвучал куда громче, чем было приемлемо. Ее грудь колыхалась при каждом вздохе. Она хотела только выхватить у матери цепочку, вернуть камень себе, почувствовать успокаивающую тяжесть кольца. Руби знала: что бы она ни сделала, она стопроцентно утратит этот камень. Даже сейчас она уже испытывала терпение родителей, которое и так было на пределе.

– А как же я? – снова спросила девушка спокойным голосом, как будто ее сердце не было готово разорваться.

Она молча наблюдала, как мать принимает решение. И когда она это сделала, Руби все мгновенно поняла. Миссис Тремейн расправила плечи и сунула кольцо в карман пышной юбки.

– Когда-нибудь ты поймешь. А теперь, пожалуйста, заканчивай одеваться.

С губ Руби сорвался едва слышный звук. Стопы ее не двинулись с места. Двери закрылись с твердым звуком, который эхом прокатился по комнате. У Руби внутри разрасталась зияющая пустота.

И вернуть то, что принадлежало ей, теперь можно было только одним способом.

* * *

Руби стояла в фойе рядом с матерью с приклеенной улыбкой на лице. Челюсть сводило от слов, которым она не давала сорваться с губ, и от любезностей, которые она расточала вместо этого. Хорошее поведение – в этом заключалась ее единственная надежда. Она наблюдала за гостями, скользившими через фойе под сводчатым потолком. У женщин были высокие прически и длинные платья, их вели под руку мужчины в сшитых на заказ смокингах. Играли музыканты, официанты подавали шампанское и закуски на серебряных подносах, сотни фонарей украшали двор.

Прием был шикарный, но Руби думала только об одном: замечают ли гости темное пятно на обоях там, где раньше висела работа старого мастера? Мать говорила всем, что картина сейчас находится на выставке в музее какого-то далекого города. «Как это благородно, что мистер Трмейн покровительствует искусствам!» – говорили все. Но Руби гадала, не шепчутся ли они за их спинами: «Как пали сильные!» Одно дело – участвовать в предвыборной гонке, но разориться в ней – совсем другое. Девушка подавила желание коснуться рубина, которого, как она прекрасно знала, на ее шее не было.

– Можешь хотя бы притвориться, что тебе нравится вечер? – сказала мать, продолжая улыбаться.

– Мне бы он больше понравился, если бы на мне было мое кольцо, – пробормотала Руби.

– Можешь быть уверена: я продам его еще до конца следующей недели.

Мать выразительно на нее посмотрела.

Руби знала, что будет намного проще, когда она забудет обо всем, объятая толпой и музыкой. С бокалом шампанского в руке – для успокоения нервов и изгнания горького чувства, засевшего внутри.

При первой же возможности она сбежала со своего поста хозяйки, принимающей череду гостей, и принялась ловко отбиваться от вопросов насчет планов на лето,

одновременно разыскивая для себя бокал игристого.

«Оливия, похоже, радуется жизни», – подумала она. На балу только и говорили, что о ее лучшей подруге и мистере Лоренсе. Руби была счастлива за нее, правда. Но днем Руби пришлось вынести очередную лекцию родителей о том, что надо по максимуму использовать этот вечер с Джоном. И вот она готова к действию, а Джона нигде не видно. К Руби прицепился Луис Гринфилд, друг детства, он безостановочно говорил о скаковых лошадях.

Когда Джон наконец вошел, в зале повисла тишина, как будто все дамы до единой (не считая его сестер) разом задержали дыхание. Смокинг облегал его плечи и скрывал мускулы под тонкой тканью. Джон был самым завидным женихом в зале, и при этом он держался так беззаботно, что трудно было понять: то ли он просто не знает об этом, то ли его не волнует подобная ерунда. В любом случае от этого он становился только притягательнее.

Руби поставила на стол пустой бокал из-под шампанского и прошла сквозь толпу, точно нож. Бусины, украшавшие подол, тихо позвякивали. Девушка на несколько шагов опередила волоокую дочь одного из новых друзей отца, члена городского совета, и подошла к Джону первая.

Джон повернулся, когда Руби коснулась его предплечья. При виде ямочки у него на щеке сердце ее затрепетало. От его кожи все еще исходил запах мыла и лосьона после бритья. Руби порадовалась, что на плечи ее накинута шаль: было чем занять руки.

– Как чудесно, что ты к нам присоединился, – сказала она, внутренне съезжившись. Она хотела, чтобы в тоне была игривость, но вместо этого вышел упрек.

К счастью, Джон будто бы не заметил. Он улыбнулся.

– Извини, Руби. Я увлекся. Работал над новым проектом, – туманно объяснил он.

– Восхищаюсь твоей увлеченностью, – сказала она. – Надеюсь, и я когда-нибудь найду занятие, которое люблю так же сильно, как ты любишь автомобили.

Руби поправила брошь-булавку у него на лацкане, наклонившись как можно ближе, чтобы показать себя в максимально выгодном ракурсе в облегающем платье.

- Хочешь потанцевать? - предложила она в тот же момент, когда Джон спросил:

- Ты не видела Хелен?

- Нет, - разочарованно ответила Руби. Она попыталась придумать что-нибудь, неважно, что именно, чтобы удержать Джона рядом с собой. - Давай помогу ее найти? Может, она в саду.

Руби подумала о лабиринте и о том, что там они смогут побыть наедине.

- Спасибо за предложение, Руби, - сказал он, по-прежнему шаря взглядом по залу. - Но у тебя гости. Мне бы не хотелось забирать тебя у них. - Джон прикоснулся губами к тыльной стороне ее ладони. - Кстати, ты сегодня чудесно выглядишь.

Чуть слышный звук сорвался с губ Руби, и она стала искать слова, которые убедили бы его остаться. Но не успела она моргнуть, как оказалась одна у кромки зоны для танцующих. Она смотрела, как спина Джона удаляется и исчезает на противоположной стороне зала. Руби почувствовала жалящий взгляд матери: та сидела на одном из диванов для дам у камина.

Девушка сохранила внешнюю невозмутимость, потянулась за бокалом шампанского и, когда мать наконец отвернулась, осушила его. Шампанское было терпкое и игристое. Руби же чувствовала нечто совершенно противоположное веселому бурлению пузырьков. Она задумалась, подобает ли воспитанной леди доставать клубнику со дна бокала. Хотя на самом деле на Руби никто особо и не смотрел. Оливия и мистер Лоренс кружились в танце по всей «скромной», как выразилась миссис Дэйвенпорт, бальной зале, приковывая взгляды и вызывая охи у всех присутствующих. Даже Хелен, когда только прибыла на бал, привлекла к себе больше внимания: она была в бледно-розовом платье, которое красиво переливалось, - даже при том, что младшая сестра Оливии болталась от стола к столу и искала, у кого бы тайком стрельнуть сигарету.

Руби цапнула очередной высокий бокал с проплывавшего мимо подноса. Девушка слегка пошатнулась, но, к счастью, рядом оказался стол, за который она схватилась.

– Значит, вам вдруг понадобилась жидкая храбрость? – сказал кто-то за ее плечом.

Руби вздрогнула и оторвала взгляд от бокала. Это был Харрисон Бартон. Он указывал на пустой бокал в руке девушки. Этот молодой человек переехал в Чикаго из Луизианы. Он получил приглашение благодаря своему богатству, но в целом городе не хватило бы денег, чтобы люди забыли, что когда-то его мать была рабыней его отца. У него была такая же светло-коричневая кожа, как у прежней подруги Оливии, а теперь служанки, Эми-Роуз. Стоило Руби поднять на гостя взгляд, как она вспомнила, какие необычные у него глаза: светлые, бледно-карие с зеленой каймой. Многие в этой комнате хотели бы взвалить на него вину за смешанный брак его родителей. Человек с такой внешностью обычно бывает плодом насилия, напоминанием о невысказанной боли. Само его существование вызывало дискомфорт как у черных, так и у белых.

Но Руби его внешность ничуть не тревожила.

– А для чего мне могла бы понадобиться храбрость, мистер Бартон? – спросила она. Девушка позволила ему забрать из ее руки пустой бокал и заменить его полным.

– А я разве сказал «храбрость»? – смутился мистер Бартон.

Шея его над воротничком начала наливаться краской. Руби почувствовала, как ее кожу покалывает, и не смогла сдержать улыбку. Ей нравилась напевность, с какой этот молодой человек произносил каждый слог.

– Возможно, вам просто нужно повеселиться. – В тоне его сквозила некая неуверенность, но теплая улыбка никуда не делась.

– Я обожаю веселиться. Боже, если человек не веселится, то зачем вообще жить?

Мистер Бартон перенес вес на другую ногу, и Руби увидела на противоположном конце зала Джона, разговаривавшего с отцом. Но, к ее удивлению, глаза Джона были прикованы к ней и Харрисону Бартону. Брови молодого мистера Дэйвенпорта были нахмурены. Неужели он... ревнует? Руби мягко положила ладонь на предплечье Харрисона. Сквозь ресницы она заметила, что Джон замер. «Кто бы сомневался», – подумала она. Инстинкт собственника впервые проявляется у мальчиков на детской площадке и сохраняется на всю жизнь. Ну что ж, если для того, чтобы завладеть вниманием Джона, нужно дать ему повод для ревности, то так тому и быть.

– Хотите потанцевать? – спросил Харрисон.

Руби оторвала взгляд от Джона и перевела его на мужчину, стоявшего перед ней.

– Я уже сама собиралась предложить, но вы меня опередили!

Мистер Бартон положил ладонь на поясницу Руби и повел ее в центр зала. Пока девушка со своим красивым партнером скользила по паркету, она чувствовала на себе взгляд Джона и впервые за весь вечер улыбалась искренне. У нее начал вырисовываться план... Руби обратила всю мощь своих чар на мистера Бартона. Она наклонялась к нему настолько близко, насколько позволяли приличия, и, отметив про себя последнюю точку зала, в которой она видела Джона, Руби усилием воли заставила себя не смотреть в ту сторону, а сосредоточить все внимание на партнере.

Харрисон Бартон оказался потрясающим танцором, и, что поразило девушку еще сильнее, собеседником он был вообще непревзойденным. Он рассказывал о своей семье и городке, в котором вырос, с такой теплотой, что у Руби заняло сердце. Ее так увлекла история о том, как брат Харрисона сломал руку, когда полез на дерево, что она не заметила, как началась следующая песня, а сзади незаметно подошла мать.

– Руби, – процедила она сквозь зубы, оказавшись рядом с дочерью. – Ты должна всем нашим гостям дать возможность пригласить тебя на танец.

В жилах Руби бурлило шампанское, а внутри теплилась злость, так что при этих словах она резко развернулась к матери.

– Прошу прощения, миссис Тремейн, – вмешался Харрисон, прежде чем Руби смогла выплеснуть свое раздражение. – Ваша дочь превосходно танцует. Мне крайне приятно ее общество, и я и не думал похищать ее у гостей так надолго.

Хотя слова Харрисона были обращены к ее матери, его ореховые глаза безотрывно смотрели в глаза Руби. А если он и заметил, как у миссис Тремейн дергается бровь, то не подал виду.

– Благодарю вас за танец, мисс Тремейн, – сказал он.

Девушка наблюдала, как к мистеру Бартону подошла Агата Лири и они растворились в толпе. Да, популярный холостяк оказался как нельзя кстати.

Руби рванула к бару, подальше от матери, пока не успела сказать что-то, о чем позже пожалеет. Она резко повернула налево и увидела впереди группу гостей. Тогда девушка нашла тихое местечко в холле. Воздух здесь был заметно холоднее, но это освежало. Руби прислонилась к стене и закрыла глаза. «Всего пара часов осталась», – сказала она себе. Сквозь гудение музыки вдруг слышался приглушенный шепот: говорившие явно приближались к Руби. Девушка не смогла побороть соблазн. Она на цыпочках подкралась к гостиной, которая на этот вечер стала дамской комнатой отдыха.

– В общем, я надеюсь, что он победит. Хотя бы ради их блага.

Руби резко выпрямилась и замерла, скрытая от чужих глаз стеной холла.

Тут вступил второй голос:

– Если он хочет победить, ему потребуются голоса белых. И не только той кучки, которую пригласили сегодня.

– Хммм, – проговорил первый голос, – если он проиграет, Тремейны по миру пойдут.

С каждым вдохом платье на груди Руби натягивалось до предела.

– Могу я надеяться на следующий танец? – промурлыкал кто-то ей на ухо.

Девушка вздрогнула. Ее обволок запах бергамота и бальзамина и смягчил ее напряжение. Ах да, вот же он, тот, из-за кого она стала танцевать с мистером Бартоном. А Руби чуть не забыла.

Улыбнувшись, она медленно и изящно повернулась к Джону Дэйвенпорту. Уголки ее губ невольно поползли вверх от удовлетворения, что план сработает.

– Я уж думала, ты никогда не предложишь.

Глава 9

Оливия

Оливия едва дышала. Она ухватилась за плечи мистера Лоренса, который неистово кружил ее по паркету, прижав ладонь к ее спине: они пытались перетанцевать другие пары и как можно дольше выдержать все ускоряющийся темп музыки. Пары, выбывавшие из состязания, присоединялись к зрителям и хлопали в такт. Все взгляды были сосредоточены на Оливии, а та в кои-то веки не ловила себя на сомнениях в правильности каждого своего действия. Она не гналась за недостижимым идеалом.

Она просто веселилась.

Лицо горело, на висках проступил пот. И хотя мышцы бедер пылали, а пальцы ног ныли, девушка не хотела останавливаться.

– Когда я пригласил вас на танец, – перекрикивая музыку, заметил мистер Лоренс, – я представлял себе что-то помедленнее.

– Можем замедлиться, если для вас это слишком быстро, – сказала Оливия, выгибая бровь и бросая ему вызов.

– И проиграть? – Британец покачал головой и посмотрел ей в глаза. – Уж если я за что-то берусь, то рассчитываю победить.

От этих слов румянец на ее щеках стал еще более густым.

Лица вокруг них слились в единое пятно. Когда темп еще немного ускорился и очередная пара выбыла, их движения стали неуклюжими. Оливия сделала неловкое движение, запнулась о ноги мистера Лоренса. Они, пошатываясь, вильнули в сторону и покинули танцевальную зону. Руки мистера Лоренса обхватывали талию Оливии, его лицо было в каких-то сантиметрах от ее лица. Оба расхохотались.

– Извините, – выдохнула Оливия.

Мистер Лоренс посмотрел на последнюю пару, радующуюся своей победе.

– Мы выступили достойно. У нас будет возможность попробовать еще раз. – Он улыбнулся: – Я принесу напитки.

Девушка кивнула и стала наблюдать, как он идет через залу.

– Оливия! – Миссис Дэйвенпорт быстро шагнула к дочери и сжала обе ее ладони. – Вы такая красивая пара, – прошептала она.

Оливия улыбнулась, а мать нежно тронула ее подбородок и отошла.

Джейкоб Лоренс почти не отходил от Оливии с того самого момента, как прибыл на вечеринку. Он был очень мил, пока Оливия представляла ему многочисленных знакомых, и несколько раз ее рассмешил. Он был остроумен и обаятелен. Красив. У него было все, чего она искала в кавалере. И девушка была вполне уверена, что он думает о ней так же. Целый год она гадала, как найти подходящего мужчину. Неужели в действительности это настолько просто?

Оливия наблюдала за ним, пока он был у барной стойки. Мистер Лоренс держал два бокала с шампанским и беседовал с мистером Тремейном. Он бросил взгляд на Оливию и улыбнулся:

- Не удивлен, что вижу вас здесь.

Грезы Оливии прервал знакомый голос. Она обернулась.

Позади нее, ухмыляясь, стоял Вашингтон ДеУайт, одетый в простой темный костюм. Уверенность, которая исходила от него со сцены, и сейчас была при нем. Он держал руки в карманах. Плечи его были отведены назад. Адвокат из Алабамы лениво оглядывал залу.

- Здесь вы себя чувствуете в своей тарелке, не правда ли?

Желудок Оливии сделал кульбит, во рту пересохло.

- Что вы здесь делаете? - спросила она. Эта фраза прозвучала грубее, чем ей хотелось бы.

Мужчина рассмеялся:

- Я тоже безмерно рад вас видеть. Меня пригласили Тремейны.

- Вот как?

Мистер ДеУайт сжал губы:

- Любой кандидат на государственную должность знает, как важно заручиться поддержкой рабочего класса. - Он кивнул сам себе: - Я был прав насчет вас.

- Это в чем же? - спросила она, сузив глаза и заводясь в ответ на его тон.

Вашингтон ДеУайт обвел рукой залу:

- Богатенькая девушка, от нечего делать шатающаяся по бедному району.

- Я не шаталась от нечего делать. Я привезла в Центр соцподдержки пожертвования. Я...

– Прошу прощения, богатенькая девушка-благотворительница...

– Вы ничего обо мне не знаете, – отрезала Оливия. Она заметила, что приблизилась к адвокату, сжала кулаки.

– На балу все только и говорят, что о вас и этом вашем кавалере, – продолжал мистер ДеУайт, сменив тему так резко, что Оливия только моргнула в ответ.

Краем глаза она заметила, что, слегка нахмутив лоб, за ними наблюдает миссис Джонсон, подруга матери и невыносимая сплетница. Еще несколько гостей тоже смотрели в их сторону и перешептывались. Оливия одарила их самой широкой улыбкой и не опустила головы.

Улыбка мистера ДеУайта стала шире: он уловил ее очевидное раздражение.

– Возможно, на собрание вас привело любопытство, но остаться там вас побудило сострадание. Вы живете в таком красивом мире. – Он обвел взглядом залу и потом снова посмотрел ей в глаза: – Но теперь вы знаете, чем мы рискуем.

Мистер ДеУайт удерживал ее взгляд.

Дыхание Оливии замедлилось. Его слова произвели на девушку впечатление, хотя она всеми силами старалась вытеснить их из своих мыслей. Наутро после собрания она чуть было не попросила Гетти принести ей экземпляр «Дефендера», но... чего бы она этим добилась? Отец всю жизнь работал, чтобы защитить Оливию от ужасов Юга. Он хотел, чтобы дочь жила такой жизнью, какая, по счастью, и была у нее теперь.

Музыканты заиграли новую песню, и гости Тремейнов поспешили выйти на паркет. Все горизонтальные поверхности оказались заставлены тарелками с недоеденными деликатесами и пустыми бокалами из-под шампанского. Гости – море шелка, фатина и атласа – двигались в ритм музыке. Оливия посмотрела на свое платье и подумала о женщинах, которых она видела на собрании в подвале, женщинах в безукоризненно выстиранных и выглаженных, но изрядно поношенных платьях. Какая уверенность горела в их глазах! Ни одна из юных леди ее круга не посещала митингов. Они устраивали благотворительные празднества и мероприятия по сбору средств, жертвовали деньги и вещи на одобряемые обществом цели.

Внезапно рядом с Оливией появился мистер Лоренс.

– Вы себя хорошо чувствуете? – спросил джентльмен. Он вручил Оливии бокал шампанского и взгляделся в ее лицо.

– Да! – ответила девушка, тряхнув головой, чтобы избавиться от этих мыслей. – Мистер Лоренс, это Вашингтон... мистер Вашингтон ДеУайт.

Пока мужчины крепко пожимали друг другу руки, Оливия выпила шампанское одним махом.

У мистера Лоренса дернулась мышца на подбородке.

– А как вы познакомились?

Оливия посмотрела на Вашингтона, надеясь на его помощь. Реакцию мистера Лоренса на то, что девушка назвала адвоката по имени, было невозможно не заметить. Оливия зарделась и никак не могла подобрать слова. Мистер ДеУайт молча стоял, засунув руки в карманы, и на лице его было почти веселое выражение. Он нарочно помалкивал, пока девушка нервно мялась под пристальным взглядом джентльмена из Англии в слишком душной, слишком шумной зале.

– Мы... – начала было девушка, но тут же смолкла. Что правильнее сказать?

Наконец заговорил мистер ДеУайт:

– Мы с мисс Дэйвенпорт только что над этим посмеялись. – Он хохотнул, как будто они действительно позабавились шуткой только для двоих. – Я принял ее за старую знакомую. Но если подумать, – добавил он, пригвождая девушку взглядом, – скорее всего, я просто видел вашу фотографию на странице светской хроники.

Воздух снова ворвался в легкие Оливии с такой скоростью, что она почувствовала головокружение.

– Прошу меня извинить, – сказал Вашингтон ДеУайт, натянуто улыбнулся Оливии и коснулся невидимой шляпы, взглянув на мистера Лоренса.

Девушка смотрела, как он отходит, и сердце ее бешено колотилось, а по всему телу побежали мурашки. Она снова повернулась к мистеру Лоренсу и улыбнулась так широко, как еще ни разу не улыбалась за весь вечер.

– На чем мы остановились? – спросила девушка, и ее ладонь удобно устроилась на сгибе его локтя.

Пока мистер Лоренс вел Оливию танцевать, она с облегчением увидела, что адвокат с Юга растворился в толпе.

Глава 10

Хелен

Хелен знала, что вечеринка покажется ей бесконечно долгой. Как только семейство Дэйвенпортов поднялось по лестнице в дом Тремейнов, младшая дочь тут же улизнула от родных. Она не собиралась ждать в очереди, чтобы ее представили людям, с которыми она и так была знакома. На подобных событиях всегда появлялись одни и те же персоны с одними и теми же устаревшими представлениями о том, как должны себя вести юные леди. После того разговора с отцом она не вынесла бы больше ни минуты подобных наставлений: спасибо, нет.

При первой же возможности Хелен скользнула в бальную залу, прошмыгнув между гостями. Она утянула себе целый поднос крабовых котлеток и два бокала шампанского и нашла свободный стул в укромном уголке. Хелен наблюдала за вечеринкой, как девушки ее возраста перешептывались и хихикали. Их, похоже, совсем не тревожило то, что они, по сути, пришли сюда, чтобы потешить родителей и в итоге выполнить ответственное задание: найти себе мужа. Совсем скоро каждая из них дебютирует в свете, и тогда все их мысли будет занимать необходимость выбрать хорошую партию – а точнее, понравиться подходящему джентльмену, чтобы он сделал свой выбор. К концу лета Хелен

исполнится восемнадцать, и если бы Оливия нашла жениха в прошлом году, Хелен уже сейчас пришлось бы плясать с новой порослью холостяков. Сама мысль об этом была противна девушке. Хелен закатила глаза и отвернулась к большим окнам, выходящим в сад. Может, на свежем воздухе ей станет полегче.

Сад Тремейнов славился лабиринтом из аккуратно подстриженных живых изгородей. Сейчас он был увешан крошечными огоньками, мигавшими, точно светлячки. Оказавшись снаружи, Хелен обнаружила там сына одного из отцовских деловых партнеров, Джосайю Эндрюса, и убедила его дать ей сигарету и спички.

Как только Джосайя ушел, Хелен затянулась сигаретой и выдохнула дым, и он облаком завихрился у нее над головой. Девушка попыталась выбросить слова отца из головы. Неужели папа не видит, сколько полезного она могла бы сделать? Что у нее есть не только симпатичная мордашка? Она стряхнула пепел, и его унесло порывом ветра. Девушка откашлялась. Нет, она больше не заплачет.

– О, здравствуйте.

Хелен замерла, проклиная себя за то, что так погрузилась в свои мысли и не заметила, как кто-то подошел совсем близко. Ее мог застучать отец или, даже хуже, мама. Эммелин Дэйвенпорт считала курение привычкой женщин низших классов.

Хелен повернулась к тому, кто застал ее врасплох.

Джейкоб Лоренс. Молодой человек, с которым Оливия провела бо?льшую часть вечера. Они недолго пообщались перед ужином. Хелен сразу подметила, насколько он высокий и стройный, и запомнила его манеру держаться так, будто сто?ит ему только пожелать – и что угодно окажется у него в руках. И судя по всему, скоро этому человеку достанется ее сестра.

Мистер Лоренс подошел и встал рядом с ней. Но не слишком близко. Он достал сигарету, постучал ее по золотому портсигару с гравировкой и немного помолчал.

– Может, заключим договор? – спросил он, когда Хелен не двинулась с места. Голос у него был мягкий. Говорил он с акцентом. – Я ни слова не пророню о том, что вы были здесь, а вы со мной поделитесь огоньком.

Хелен внимательно посмотрела на него, не зная, можно ли ему доверять. Улыбка у мистера Лоренса была слишком широкая, а взгляд слишком настырный. Он, не отрываясь, глядел ей в глаза, когда девушка протянула ему спичечную коробку.

– А мне нужна еще одна сигарета, – заявила она и затоптала окурки.

Мистер Лоренс рассмеялся, и Хелен почувствовала, как вверх по спине бежит холодок.

– Чудесная ночь, – сказал он, протягивая ей зажженную спичку.

– Да, – согласилась Хелен, мечтая, чтобы он убрался и оставил ее наедине с размышлениями.

– Это настоящий лабиринт? – поинтересовался молодой человек.

Он шагнул вниз, на влажную траву. Девушка кивнула:

– В центре – фонтан.

Она выпятила подбородок и скрестила руки на груди. Мистер Лоренс посмотрел на нее и сказал:

– Кажется, я вас не очень-то впечатляю.

– А должны? – спросила Хелен.

Он снова рассмеялся, чем взволновал ее еще больше. От этого смеха у Хелен появилось ощущение как от двигателя, работающего где-то под ее ладонью, лежащей на капоте: мощное, нетерпеливое и немного опасное.

– Большинство людей поддаются под мои чары.

Хелен ничего не смогла с собой поделаться: с ее губ невольно сорвался смех и эхом прокатился в ночи. Во мраке сада она видела, как улыбка британца стала шире, и почувствовала, как окрепла его самоуверенность (и без того немалая).

– Я богат. Начитан. Много путешествовал, – перечислил мистер Лоренс, загибая пальцы свободной руки.

– О, и не забудьте, что красив, – вставила Хелен.

– Это само собой.

Мужчина откашлялся, поднялся по ступеням и снова встал рядом с ней. Хелен ощутила исходящее от его тела тепло, и кожа ее покрылась мурашками. Она сделала глубокий вдох. Запах его одеколona (с ноткой кедра) и дым его сигареты вызвали странное чувство у нее в груди.

– А вы? – спросил он.

Хелен растерялась:

– А что я?

Мистер Лоренс рассмеялся:

– Расскажите о себе.

Эта просьба застала ее врасплох. Хелен вдруг поняла, что никогда прежде не встречала человека, который не знал, кто она такая, не знал ее семью. Она младшая дочь Дэйвенпортов, сестра Оливии, не умеющая вышивать, петь и правильно сервировать стол к чаю. Что еще тут можно сказать?

– Я тоже начитана, – начала девушка. Мистер Лоренс кивнул, будто того и ждал, и Хелен надулась. Она расправила плечи и выдала: – Но я читаю в основном журналы и учебники для механиков. Поэзия – такая скука.

Она посмотрела на собеседника, в глазах ее был вызов.

– Фантастика. Я совершенно не смыслю в технике, – ответил молодой человек. – А в электрике разбираетесь? У меня в отеле есть выключатель, который бьет меня током всякий раз, как я выключаю лампу.

– Я уверена, что легко починила бы его.

Лицо Хелен вспыхнуло, когда она вообразила себя в его комнате.

Мистер Лоренс едва заметно поднял брови, но быстро оправился, и на лице у него появилась улыбка.

– Буду иметь в виду.

Девушке собственная кожа показалась тесной. И что она вообще делает? Может, этот человек и не помолвлен с ее сестрой, но это только вопрос времени. Хелен вспомнила, как Оливия улыбалась, когда мистер Лоренс вел ее по залу в танце. Даже со своего стула в углу и даже несмотря на громкую музыку, Хелен услышала вздох облегчения, вырвавшийся у матери. Вот чего Эммелин Дэйвенпорт всегда хотела.

И все же что это за чувство пробудилось у Хелен в груди?

– Мне пора идти в дом, – сказал он.

С этими словами мистер Лоренс взял ее руку и поцеловал, задержав у своих губ на миг дольше, чем следовало, как показалось Хелен. Девушка улыбнулась. В голове не осталось ни одной мысли: она не видела ничего, кроме стоявшего перед ней молодого красавца.

– Доброй ночи, мисс Дэйвенпорт.

– Доброй ночи, мистер Лоренс, – ответила она, высвобождая руку. – А пока вы не вызвали электрика, как вариант, можете зажигать свечу.

Он засмеялся, рука его застыла над ручкой двери во двор.

– Вы мне позвоните. Я заварю чай.

Глава 11

Эми-Роуз

Эми-Роуз подняла руки к голове Хелен и принялась вынимать шпильки. Она попыталась сосредоточиться на том, что делает, но одна шпилька слегка уколола ее, напомнив об игле, которой она пришивала пуговицу к рубашке Джона. И горький запах кофе Хелен, черного, точно такого же, какой любил Джон, будоражил чувства юной служанки. Все, даже самые незначительные мелочи, напоминали ей о Джоне. Ведь у нее с ним был особый момент, разве нет? В животе у Эми-Роуз все затрепетало, когда она представила, как его мозолистые руки обхватили ее запястья. Тепло его ладони, коснувшейся ее кожи. «Я слишком себя накручиваю. Нам было весело – только и всего».

– Ты себя хорошо чувствуешь, Эми-Роуз?

Хелен, пристально посмотрев на Эми-Роуз, взяла ее за запястье.

Служанка чувствовала, как ее вены пульсируют под слегка сжавшими ее руку пальцами Хелен. Ладони у младшей дочери Дэйвенпортов были такие же грубые, как у Джона. И тут голова служанки снова наполнилась мыслями о Джоне. Она встряхнула плечами:

– Да, конечно.

Глаза Хелен сузились. Эми-Роуз выдержала ее взгляд и постаралась вспомнить, о чем говорила Хелен. О машинах? Она обычно только о них и болтала. Или о каком-нибудь новом изобретении, о котором она узнала из отцовских газет.

– Так как ты думаешь, что мне делать?

– Делать?

Эми-Роуз повернула Хелен другим боком. Ее разум пытался отыскать слова, которые произнесла Хелен, пока мысли девушки витали в облаках. Пока она представляла, что ее обхватили руки Джона.

Хелен закатила глаза:

– Мой день рождения в конце лета. Мне будет восемнадцать, и у мамы больше не будет причин тянуть с поиском мужа для меня. До сих пор меня спасало только то, что Оливия привередлива в смысле женихов.

Хелен вздохнула и на мгновение стала снова похожа на тощую девчонку, какой она была год назад. Но в последние месяцы она стала выглядеть более женственно, она заметно повзрослела. Цепкий ум в ее глазах указывал на жесткость характера, которая, как надеялась Эми-Роуз, не отпугнет подходящих холостяков.

Слова Хелен о старшей сестре были резкими, и Эми-Роуз уже хотела напомнить девушке, какая ответственность лежит на Оливии: ей только девятнадцать, а она должна выбрать свою судьбу, угодить родителям, соответствовать ожиданиям общества.

– А может, она не привередлива? Может, она знает, чего хочет, и готова ждать именно этого?

Эми-Роуз не собиралась произносить это. Ее пальцы в волосах Хелен заработали быстрее. Она боялась ляпнуть еще что-нибудь. Случайный разговор с Джоном вчера вечером подорвал ее самообладание, и теперь у Эми-Роуз все смешалось в голове. Она долго не могла заснуть, а проснулась с сильной головной болью. Она не смогла успокоиться, даже когда принялась записывать идеи для своего салона.

– Я думаю, ты права. – Хелен взяла другой листок. – Ливи знает, чего хочет, и не согласится на меньшее. – Она посмотрела в зеркало и поймала взгляд Эми-Роуз. – Естественно, мы должны брать с нее пример.

* * *

Ветер трепал платья на веревке так, что они хлопали. Эми-Роуз прижала к щеке подол платья Оливии с коротким рукавом. Все еще влажное. Секунду она раздумывала, так уж ли вероятно, что порыв ветра сорвет одежду с веревки, и нужно ли перевешивать ее в маленькую комнату, где Эми-Роуз штопала и зашивала белье. Тут напоззли темные тучи и приняли решение за нее. Эми-Роуз принялась снимать с веревки рубашки и платья и аккуратно их складывать, чтобы не помять. Чем меньше придется гладить, тем лучше.

На этом месте слышен был только шорох ветра в листве. Мысли Эми-Роуз опять унеслись к разговору с Джоном на кухне. При воспоминании о том, как близко он стоял, как кружило ей голову от запаха его одеколона, кожу девушки защипало. Бальзамин, и бергамот, и легкий намек на запах тела Джона. Последние несколько месяцев его не было в особняке: он учился в университете. Сначала дом казался пустым без него. Хелен была совершенно потеряна, но для Эми-Роуз его отъезд был облегчением. Пока он учился, юную служанку не мучило то, какой невидимой она казалась рядом с Джоном.

Они уже не были детьми, игравшими в саду и рассказывавшими истории у огня. И все же Эми-Роуз не забыла тот день, когда Джон сказал ей, что она самая красивая девочка из всех его знакомых. В тот день Томми довел ее до слез: он смеялся над веснушками Эми-Роуз, обсыпавшими ее лицо. Как грязь. Джон забрал из ее руки кусок мыла и увел от тазика с водой. Его ладонь и улыбка были такие теплые, что девочка забыла саднящую боль в потрескавшихся руках, забыла стыд, обжигавший лицо. Он сказал это так просто. Тогда Эми-Роуз поняла, что никогда не сможет смотреть на Джона как прежде. Его простое замечание пробудило к жизни крепкие ростки влюбленности, хотя девочка была еще слишком мала, чтобы знать, как это называется.

Но теперь Эми-Роуз знала, как это назвать. Проблема.

И вот Джон ворвался в кухню и попросил ее пришить пуговицу.

И девушка совсем запуталась. «Может, он просто флиртовал?» С каждой минутой ее все сильнее обуревали сомнения. Эми-Роуз прижала к груди блузку и попыталась вспомнить, как звук его голоса будто пронзил ее насквозь. Она представила, какой могла бы быть их жизнь вместе, после того как Джон окончит университет и будет готов взять на себя управление отцовской компанией. Эми-Роуз, скорее всего, придет его поздравить. Но не как служанка.

Она к тому времени совершенно изменится. Ее салон красоты будет работать вовсю. У Эми-Роуз будет собственный успешный бизнес, а значит, она будет для Джона идеальной парой. Он будет наследником бизнеса и богатства Дэйвенпортов. Рядом с ним должна быть подобающим образом воспитанная леди, которая сможет организовывать званые ужины, одеваться по последней моде и в будущем воспитать следующего наследника.

- И это буду я? - прошептала она хмурому дню. - Я именно этого хочу?

Эми-Роуз подумала о своей тетради, мечтах и обо всем, что было ей дорого. Она вспомнила слова Хелен: «Ливи знает, чего хочет, и не согласится на меньшее. - Эми-Роуз почувствовала, как от этих слов по телу будто пробежала волна, горячившая кровь. - Естественно, мы должны брать с нее пример».

Вдруг кто-то легонько похлопал ее по плечу, и девушка подпрыгнула. Она быстро обернулась, потеряв равновесие. Джон удержал ее, взял под локоть. Игривый изгиб его рта захватил внимание Эми-Роуз самую чуточку дольше, чем надо бы. «Ах, эта ямочка!»

Эми-Роуз бросила взгляд через плечо. В горле пересохло. Когда она заметила, что верхние пуговицы рубашки Джона расстегнуты, румянец, расцветивший ее щеки, начал расползаться по всему телу. Кожа его была гладкая и темная. Девушке так захотелось провести ладонью по линии его подбородка, что у нее заныли пальцы. Она вспомнила тепло, исходившее от его тела, когда он стоял рядом на кухне, и задрожала.

- Замерзла? - спросил Джон, нахмутив брови в тревоге.

- Нет... да.

Улыбка Джона стала еще шире.

- Ты что, из-за меня нервничаешь?

- Ну конечно нет.

В голосе девушки звучала уверенность, которой она на самом деле не ощущала. Эми-Роуз заставила себя оторвать взгляд от сырой наволочки, которую она сжимала в руках, и посмотреть ему в глаза. В его глазах зажглись огоньки.

– Спасибо тебе еще раз, что помогла вчера. Ты спасла не только мою рубашку, но и мои уши – от нотации о том, что надо быть готовым ко времени и в презентабельном виде. Хотя, естественно, я ее заслужил.

– Я была рада помочь. Вам понравилась вечеринка? – спросила она. Эми-Роуз никогда не бывала ни на одном из шикарных мероприятий, которые устраивали Тремейны. Она была служанкой, поэтому только наблюдала за танцами у Дэйвенпортов, то смешиваясь с их тенями, то незаметно выскользывая из них, как делает хорошая и надежная прислуга.

– Да, приятно было встретиться с друзьями. И странно. Когда я уезжаю из дома, я сам все решаю: от важных вопросов и до мелочей. Начиная от того, что надеть, – сказал он, указывая на комбинезон и отбеленную рубашку с закатанными рукавами, – и до серьезных решений, например... на что тратить мое время или где жить. Но как только я свернул на нашу подъездную дорожку, все это, – он щелкнул пальцами, – исчезло. А что исчезло вместе с возможностью выбирать? Моя уверенность в себе, которую дала мне эта... иллюзия самостоятельности.

– Я уверена, что это не была иллюзия, – сказала девушка.

Эми-Роуз подумала, что почувствовала себя совсем иначе, когда вернулась в «Порт Свободы» после того, как продала средства для ухода за волосами маленьким универсамом на Южной стороне. Но как быстро решительность и деловая хватка истаяли, когда она вновь надела фартук и взяла в руки тряпку для мытья посуды! Может, на самом деле она и Джон не такие уж и разные.

– Наверняка хоть что-то вам понравилось. Музыка?

Джон рассмеялся, и Эми-Роуз пришлось подавить вздох.

– Да, музыка и танцы – это было весело. – Джон посмотрел на нее: – Что такое?

Эми-Роуз закончила складывать наволочку и бросила ее в корзину.

- Просто представляю себе все это. Блеск бала. Я ходила на танцы с Томми и Гетти, простые. Где танцуют поодиночке... - Тут она умолкла.

- В паре не так сложно. Ведет партнер.

- Я не... - И слова ее оборвались: Джон протянул ей руку.

Ладони Эми-Роуз спрятались в складках юбки. Она знала, что кожа ее рук сухая и шершавая от постоянной стирки.

- Могу я пригласить вас на танец, мисс Шепард? - спросил Джон, приложив к груди свободную руку. Эми-Роуз не смогла сдержать улыбки, медленно поднявшей уголки ее губ.

Она посмотрела на его ладонь - приглашение шагнуть в выдуманный мир, где они будут незнакомцами, встретившимися на балу. Где она не служанка, а он не сын ее работодателя. Это была просто игра. Кончики пальцев Эми-Роуз зудели, пока она не коснулась его кожи. Джон мягко положил ладонь на изгиб ее талии и начал считать. Девушка знала движения. Она танцевала с девочками, пока те учились, смотрела, как они репетировали с инструкторами, и стояла у стены во время множества балов, которые устраивались в «Порту Свободы». Но сегодня она держала в руке не поднос, а руку Джона.

Они нырнули под веревки с развешанным бельем. Ветер раздувал юбки вокруг них, а Эми-Роуз воображала, будто это другие танцующие пары элегантно кружат рядом. Джон похвалил ее умение танцевать и пошутил, что здорово не волноваться, что кто-то кому-то отдавит ногу. Он начал тихонько напевать мелодию и притянул девушку к себе так, что их движения замедлились. Эми-Роуз чуть наклонила голову, и его лицо оказалось совсем близко. Кажется, она никогда не стояла так близко к Джону. Дыхание застряло в горле, крепкий запах его одеколona слишком пьянил.

Сердце Эми-Роуз колотилось как бешеное. Ее нога попала в корзину со сложенным чистым бельем. Не успела она и глазом моргнуть, как земля и небо накренились. Джон упал вместе с ней и стащил белье с ближайшей веревки. Они превратились в клубок из конечностей и сырой одежды. Джон мягко убрал

подъюбник с лица Эми-Роуз. Та села и посмотрела на безобразие, которое они натворили, на все вещи, которые ей придется стирать заново... но Джон сидел рядом и смотрел так, будто в ней заключался весь мир. Смех вырвался у молодого человека мощной, заразной волной.

– По крайней мере, я не отдала вам ногу, – заметила Эми-Роуз.

Глава 12

Оливия

Оливия выглянула в окно и полюбовалась, как ветерок играет белыми лепестками на лужайке за домом. На девушке было новое повседневное платье, бледно-голубое, отороченное кружевом цвета слоновой кости. Элегантное. Скромное. И подчеркивающее еще множество качеств, которые, по словам матери, может передавать одежда. Хотя, возможно, мистер Лоренс согласился бы с мнением Джона, который судил о красоте платья в зависимости от фигуры женщины, надевшей это платье. «Дело не в размере, – сказал как-то брат. – А в пропорциях. Силуэте». Он как будто об автомобиле говорил. Оливия дышала неглубоко из-за корсета. Она чуть заметно покачала головой.

После того танца Оливии и холостяка из Англии, мистера Лоренса, в бальной зале Тремейнов темнокожие чикагцы только о них и говорили. Однако даже больше чем Оливию, пожалуй, этот зарождающийся роман приятно волновал ее мать.

В течение недели после вечеринки у Тремейнов мистер Лоренс был приглашен на чай в «Порт Свободы», обедал с отцом Оливии в городе, а в это воскресенье пришел на службу в их церковь, причем сидел вместе с ними на скамье, отведенной для Дэйвенпортов. Люди перешептывались вовсю. И шепот был громкий. Удушающий. Он одновременно и подбадривал, и пугал.

Ведь Оливия именно такого и хотела.

Она сделала все, что от нее требовалось, и вот что ее ожидало: сильный, красивый джентльмен, соответствовавший всем пожеланиям ее родителей и ее собственным потаенным надеждам.

Тут в ее разум невольно прокралась мысль о молодом адвокате Вашингтоне ДеУайте, и девушка заерзала. Его жизнь, похоже, была полна решений и стремлений. Но его, казалось, совершенно не впечатляло то, чего сумела достичь Оливия. Как будто ее упорный труд был пустой тратой времени. От одной мысли, что этот человек считает ее пустышкой и бездельницей, Оливия скрипела зубами.

В этот момент в малую столовую ворвалась Эммелин Дэйвенпорт, громко напевая себе под нос. Оливия заметила, что мать сегодня в особенно хорошем настроении. Мама была грациозна, волосы были аккуратно уложены в низкий пучок на затылке. Хотя миссис Дэйвенпорт проходила через трудные времена, лицо у нее было дружелюбное, без малейшей фальши. Ее миндалевидные глаза теплились как угольки-близнецы, теплые и чарующие. Любая радость или разочарование сразу отчетливо отображались в складках возле губ и на лбу. Малейшие изменения в выражении ее лица говорили Оливии, что делать: когда можно поспорить, когда бросить вызов, а когда отступить. В конце концов, Эммелин только хотела, чтобы у ее детей было все лучшее, чтобы они ни в чем не нуждались. И как могла Оливия ее в этом винить?

Девушка очнулась от своих мыслей и увидела, что мать улыбается ей, как будто скрывая какой-то секрет.

– Кажется, кто-то немного замечтался, – заметила миссис Дэйвенпорт. – Как ты разругалась!

Оливия приложила ладонь к щеке. И правда, щеки были теплые. Мама, наверное, встревожилась бы, если бы узнала, что виновник этого румянца – мистер ДеУайт, а не мистер Лоренс. На самом деле Оливия и сама была этим встревожена.

Эммелин Дэйвенпорт похлопала Оливию по руке и села на кушетку напротив.

– Я очень довольна тем, как общество приняло новости о тебе и мистере Лоренсе. Вы такая чудесная пара.

Она повернулась к окну, в которое только что смотрела Оливия. Внутри у девушки будто все перевернулось. Ведь она именно такого и хотела. Все идет согласно плану. Каждый новый день, проведенный в обществе мистера Лоренса, будто все больше снимал с ее плеч огромную тяжесть.

Мать вздохнула, словно она это ощущала. Миссис Дэйвенпорт взяла пару перчаток с маленького столика, стоявшего у большого каминного кресла, и погладила Оливию по колену.

- Прекрасный день для пешей прогулки и пикника.

Как только она встала, в комнату вошел лакей и объявил о прибытии мистера Лоренса.

Оливия глянула на часы на каминной полке. Стрелки показывали ровно час дня. Мистер Лоренс был сама пунктуальность. Девушка проследовала за матерью в парадный холл, где стоял мистер Лоренс. Держа шляпу в руках, он рассматривал картину, на которой был изображен сарай посреди безлюдного хлопкового поля. Пушистые белые комочки, казалось, качались на легком ветерке под безоблачным небом. Как и все его костюмы, обычно в гусиную лапку или в елочку, сегодняшней был сшит из роскошного твида и безупречно подогнан по фигуре.

Молодой человек обернулся, услышав, что они приближаются. На лице его уже играла улыбка. Он так посмотрел на Оливию, что та принялась пощипывать пуговицы на перчатках. Девушка указала на картину:

- Папе ее подарили. Это плантация, где он и его брат были рабами. А написал ее один из сыщиков, которым отец заплатил, чтобы найти моего дядю. Он писал со слов отца.

- Это сильное произведение.

- Когда картину привезли, папа чуть не бросил ее в огонь. Но если вы посмотрите вот сюда... - Оливия показала на две фигурки на заднем плане.

Мистер Лоренс посмотрел туда, куда указывали ее пальцы.

– Это ваш отец и его брат?

Девушка кивнула. Когда папа заметил эти фигуры, лицо у него сделалось ошеломленное. Это был один из редких случаев, когда Оливия видела отца плачущим. Мать, которая родилась свободной и в любящей, хоть и бедной, семье, подошла к нему сзади, обняла, вжалась лицом в его спину: так он не мог видеть ее слез. С тех самых пор эта картина висела при входе.

– Мистер Лоренс, – произнесла миссис Дэйвенпорт, водружая на голову шляпку.

Она улыбнулась, глядя на юношу и девушку. Взгляд Эммелин ненадолго остановился на картине позади них. Оливия заметила мимолетную грусть, отразившуюся на лице матери.

– Как вы поживаете?

– Добрый день, миссис Дэйвенпорт, – сказал холостяк голосом мягким, как сливочное масло. Акцент придавал словам приятное звучание и свидетельствовал о лондонском воспитании. – Я в порядке. Надеюсь, вы не возражаете, что я взял у вашей поварихи эту довольно увесистую корзину.

– Да, Джесси любит нас баловать, – заметила миссис Дэйвенпорт. Она искоса глянула на дочь.

Оливия откашлялась.

– Я сама подбирала блюда. Там английские лакомства и американские сладости. И немного моих любимых французских, для разнообразия. Надеюсь, они вам понравятся.

Мистер Лоренс перевесил корзину на левую руку и в приглашающем жесте согнул правую. Оливия гордо приподняла подбородок и положила ладонь в кружевной перчатке на сгиб его локтя. Мистер Лоренс наклонился и заговорщически прошептал:

– Мне понравится все, что бы вы ни выбрали.

Оливия поборолла желание прикрыть рот ладонью, чтобы спрятать улыбку.

Внизу у парадной лестницы ждал один из самых роскошных экипажей ее семьи. Он был без крыши, что позволяло пассажирам любоваться видами вокруг (а публике – пассажирами). Пока Джейкоб Лоренс помогал им обеим подняться в экипаж, Оливия глянула на мать, уверенная, что та нарочно выбрала именно такой транспорт. Глаза миссис Дэйвенпорт горели. Явный энтузиазм матери напомнил Оливии, что сейчас на кон поставлено все.

Оказавшись в экипаже, девушка не могла придумать, что сказать. Но мать и мистер Лоренс поддерживали степенный разговор о погоде и множестве возможностей, которые предлагает Чикаго. Мистер Лоренс украдкой поглядывал на Оливию. Всякий раз, как он смотрел на нее, на юную леди накатывал жар. У нее было четкое ощущение, что он и раньше так смотрел на девушек: нарочито, на глазах их родителей, которые в этот момент расчетливо прикидывали, насколько им повезло. Оливия обнаружила, что чувствует облегчение оттого, что не совершила какого-нибудь промаха, который мог бы оттолкнуть этого джентльмена. Британец был умен, образован, он повидал свет. Он воплощал собой все, чего хотели и она, и ее родители.

Экипаж вез их совсем недолго. Мистер Лоренс, галантный кавалер, помог дамам спуститься и взялся нести большую корзину.

Оливия обожала этот парк и широкое серо-голубое озеро Мичиган, распростершееся за ним.

Пока они шли к тенистому холму с видом на озеро, девушка чувствовала, что их компания притягивает к себе взгляды. Некоторые из посетителей парка (в основном белые) бывали в тех же кафе, что и Оливия: она узнала несколько человек. В том числе сыновей белых предпринимателей, с которыми сотрудничал отец. Те, кто ее узнал, кивали, вежливо улыбались или делали чуть заметный приветственный жест. Темнокожих отдыхающих было мало, но их было легко заметить среди гуляющих белых.

Миссис Дэйвенпорт раскрыла свой веер и помахала миссис Джонсон и миссис Тремейн, устроившихся возле беседок. Перед ними был расставлен чайный сервиз.

– Ну что, молодые люди, я вас покину, – сказала она, погладив запястье Оливии.

Девушка изо всех сил постаралась скрыть свои истинные чувства, видя, как улыбка матери стала шире. Оливия подозревала, что мама заранее попросила подруг приехать в парк и сейчас только делала вид, будто встретила их случайно. Мать будет совсем недалеко, а Оливия и мистер Лоренс останутся наедине посреди общественного парка. И все же у Оливии было странное чувство, что сегодня случится некий поворотный момент в их отношениях.

«Отношения». Это слово казалось слишком увесистым для обозначения того, что происходило между ней и мистером Лоренсом. Оливия слишком много не знала об этом человеке.

Мистер Лоренс поставил корзину возле дерева на ковер бледно-розовых лепестков, упавших с веток. Он взмахнул руками, и покрывало развернулось со щелчком. В глазах молодого человека была та же уверенность, которая так привлекла Оливию, когда она впервые увидела его в гостиной.

– После вас, – произнес джентльмен.

Оливия взяла протянутую руку и опустилась на покрывало, аккуратно подобрав под себя юбки. Корсет впился в бедра, и девушка почувствовала, как косточки корсета давят на ее собственные. Джейкоб Лоренс молча сел рядом. Он глядел на нее так, что девушку одновременно бросало и в жар, и в холод. Она закусилла нижнюю губу и тут же разжала зубы, вспомнив, что мама рядом, смотрит на нее ястребиным взором и анализирует каждое ее движение.

– Я больше всего люблю блинчики, – сказала она, надеясь, что нейтральная тема поможет завязать беседу. Оливия вытащила из корзины произведения Джесси и расставила их на покрывале.

– Так трудно было удержаться, чтобы не заглянуть в корзину, – такие сладкие из нее идут ароматы!

Слова мистера Лоренса были игривы, но глазам его интереснее была Оливия, а не еда. Девушка подала ему блинчики, и пальцы мистера Лоренса слегка коснулись ее пальцев.

– Ну как? – спросила она.

– Кажется, я возьму еще один, – сказал он с блинчиком за щекой. – Точно пока не знаю.

Оливия рассмеялась. Ведь это хороший знак, что им нравится одно и то же, правда? Она добавила блинчики к списку того, что у них с мистером Лоренсом было общего.

– Как вы думаете, о чем говорит та парочка?

Мистер Лоренс кивнул на белую пару, которую Оливия узнала, – старше их, но моложе ее родителей. Джентльмен со страдальческим лицом смотрел вдаль. Жена вцепилась в его руку, и губы ее двигались слишком быстро, чтобы можно было принять ее речь за нежности влюбленных на прогулке.

– Это мистер и миссис Уэзерс. Она явно пересказывает мужу последние городские сплетни.

Мистер Лоренс потер подбородок:

– Нет, не думаю.

Оливия наблюдала, как его пальцы с аккуратным маникюром пригладили усы. Она снова повернулась к парочке, прежде чем воображение начнет нашептывать ей, какие под этими усами чувственные губы и как, наверное, приятно их целовать... и тут же другое лицо, лицо Вашингтона ДеУайта с его улыбкой и высокими скулами, прокралось в ее мысли. В этот момент она готова была поспорить на свою новую шляпку, что миссис Уэзерс упомянула фамилию Дэйвенпорт. Оливия уже открыла рот, чтобы это сказать, но мистер Лоренс продолжал:

– Ну вот, я так и думал: она в сотый раз повторяет ему план похищения бриллиантов. Неужели вы не видите, как он устал ее слушать? Бедняга уже выучил план наизусть.

Огонек, который, похоже, никогда не угасал в глазах Джейкоба Лоренса, сделался еще ярче. На мгновение Оливия забыла о бдительном оке матери и тяжести пристального внимания зевак. От этой абсурдной выдумки в груди ее забурлил смех. Они продолжали игру несколько минут: наблюдали за людьми, выдумывали новые затейливые небылицы и угощались сладкими яствами, разложенными на покрывале между ними.

Но когда персонажи для историй закончились, молчание после каждого прожеванного кусочка стало затягиваться. Оливия откашлялась, вспомнив, чему ее учили. Мужчины любят говорить о себе. Внимательная жена укрепляет брак. Девушка практически ничего не знала о жизни мистера Лоренса в Лондоне. Конечно, он подолгу говорил о городе и его достопримечательностях, но не о том, что интересовало лично его. Не рассказывал о семье.

Сейчас они впервые оказались, можно сказать, наедине. Мама была рядом, но услышать их не могла. Рядом не было толпы танцующих или любопытных зевак, которые могли бы подслушать разговор. Оливия изучала профиль собеседника: подбородок и лоб, будто выточенные из камня. Волосы и усы идеально приглажены, ни один волосок не торчит. С этого ракурса девушка могла разглядеть едва заметный шрам у него под ухом. Мистер Лоренс смотрел на мальчуганов, толкавших деревянные кораблики по гладкой поверхности зеркального озера.

– Ну что, последняя парочка? – спросил мистер Лоренс. – Безнадежные романтики.

Он показал на темнокожих юношу и девушку невдалеке. Узнав уверенную походку лучшей подруги, Оливия почувствовала, как расслабились плечи. Руби, гулявшая под ручку с Харрисоном Бартоном, тоже их заметила и свернула с тропинки. Она была всплеском тепла и цвета среди бледных весенних оттенков, которые подобрали для себя окружающие. Она улыбалась мистеру Бартону игриво, хотя и настороженно. На вечеринке у Тремейнов они, казалось, приятно проводили время вместе, но Оливия знала, что Руби, хотя и крайне импульсивна, предельно практичная девушка.

– Возможно, вы отчасти правы, – сказала она мистеру Лоренсу.

Несколько прохожих поглядели парочке вслед, но, судя по всему, потеряли к ним интерес, как только Руби плюхнулась на край покрывала для пикника Оливии и Лоренса. Она сняла широкополую шляпу – сиреневую, в тон юбке и пиджаку.

– Мне просто надо пару минут посидеть в теньке, – заявила Руби. – Мистер Джейкоб Лоренс, познакомьтесь, это мистер Харрисон Бартон. – Она подмигнула Оливии и принялась внимательно разглядывать кушанья.

Поколебавшись минуту, мистер Бартон сел, дополнив их компанию.

– Рад познакомиться с вами лично, – сказал он, пожимая руку мистеру Лоренсу.

Пока мистер Бартон коротко рассказывал о своем переезде в Чикаго, Руби бросала в рот виноградины одну за другой. Новый знакомый назвал Южную сторону городом внутри города и расписал, сколько красоты и развлечений там таится. Но при этом не отрываясь смотрел на Руби. Оливия не сдержала улыбки, заметив, что подруга, всегда любившая быть в центре внимания, позволила мистеру Бартону говорить, притом ни разу не вставила комментариев и не принялась чистить перышки.

– А что привело вас в парк? – поинтересовалась Оливия.

Руби посмотрела туда, где вместе с миссис Дэйвенпорт сидела ее мать.

– Мама почти распланировала июньский бал. – Глаза ее загорелись. – Мама и папа так благодарны твоим родителям, что они согласились совместить свой ежегодный бал с папиным мероприятием по сбору средств. Будет весело.

Оливия рассмеялась:

– Не знаю, кто больше его предвкушает: твои родители или мои. Или ты сама.

Руби бросила в рот очередную виноградину.

– Просто радуйся, что у них забот полон рот и они не могут ходить за тобой по пятам. Иначе мы бы торчали рядом с ними все вместе. – Она повернулась к

мистеру Бартону: – Этот джентльмен любезно согласился пообедать вне рабочего места ради того, чтобы прогуляться со мной.

– Я тоже с нетерпением жду благотворительного бала, – вставил мистер Бартон. Увидев самодовольную улыбку Руби, он просиял: – Так здорово, что ваш отец столько делает для города!

Он наконец оторвал взгляд от Руби, чтобы посмотреть на прогуливающихся по тропинкам людей. Те отводили глаза, чтобы не встретиться с ним взглядом. Мистер Бартон снова повернулся к собеседникам:

– Если бы было больше таких темнокожих, как мы, может быть, на нас бы так не тарасились.

Утонченность их небольшой компании, наслаждающейся роскошью приятной погоды посреди рабочего дня, вместо того чтобы вкалывать в мастерской или на заводе, – все это было необычно.

Руби откашлялась.

– Да, папа будет рад вашей поддержке. И вашему голосу. Кстати, это будет маскарад, – она игриво приподняла и опустила брови, – придут многие из тех, кто был приглашен на наш бал, да еще ведущие политики. – Она повернулась поглядеть на озеро. – И черные, и белые, объединенные общими целями.

– Похоже, масштабное будет торжество, – предположил мистер Лоренс.

– Это будет главное событие сезона. – Руби выразительно посмотрела на Оливию и чуть улыбнулась. – Много чего интересного происходит на балу у Дэйвенпортов по случаю окончания весны и начала лета.

Оливия рассмеялась:

– Ты говоришь как будто о спектакле!

Руби кивнула:

- Главное знать, где стоять.

Девушки захихикали, но тут Руби заметила, что мистер Бартон поглядывает на часы.

- Мне пора возвращаться, - сказал он.

Мистер Бартон подал руку Руби и помог ей подняться.

Девушка надула губы, отчего улыбка кавалера стала только шире.

- Увидимся, - сказала Руби подруге.

После того как Руби отошла к матери, Оливия спросила:

- В наших краях вам что-нибудь напоминает о доме?

Мистер Лоренс отвел глаза от играющих детей.

- Нет. По большей части я жил не дома.

Оливия подобрала крошку с салфетки.

- У вас много братьев и сестер?

- Я единственный ребенок в семье.

Он посмотрел на покрывало.

- Не знаю, что бы я делала, если бы у моих родителей была только я, - сказала Оливия. Порой брат и сестра бывали невыносимы, но, пожалуй, куда проще жить, когда внимание родителей делится на троих, чем когда приходится в одиночку нести тяжелое бремя их ожиданий и надежд. - Наверное, это сложно. И одиноко? - предположила девушка. - Рядом со мной всегда были брат и сестра.

– Я не знаю другой жизни. – Мистер Лоренс коротко глянул на нее.

– Извините, – смущенно сказала Оливия. – Руби тоже одна в семье, но никогда не жаловалась на это.

– Не стоит извиняться, – проговорил джентльмен. – Временами действительно, – он кивнул, – было одиноко. Но у меня есть двоюродные братья и сестры, которые не дали мне затосковать. Я уверен, что Руби высоко ценит вашу дружбу.

Оливия пососала нижнюю губу, не зная, что сказать теперь.

– А вам нравится ваша работа? Вы ведь работаете на отца?

Мистер Лоренс провел пальцами по кончикам усов.

– Деловые отношения с родственниками... Это сложно, – сказал он и взял еще блинчик. – Они и правда невероятно вкусные.

Мистер Лоренс улыбнулся и откусил немного, но в глазах его промелькнула тень, эмоция, которую Оливия не могла прочесть. Она заметила, как меж его бровей наметилась складочка, и почувствовала внезапное желание разгладить ее, стереть печать напряжения, посягнувшего на его прекрасные черты. А еще она заметила, что мистер Лоренс уклонился от ответа.

Оливия чувствовала, что глаза ее матери неотрывно следят за ними. День был погожий, и парк наводнили представители чикагского «праздного класса», как сказала бы Хелен. Белые леди и джентльмены, располагающие свободными средствами и временем, которые они с удовольствием тратили, прохаживаясь по садам и музеям. Хотя ее семья практиковала систему «двойной пользы от каждого доллара», то есть покупала вещи у предприятий, которыми владели темнокожие и которые работали на благо темнокожей прослойки, но именно белые клиенты и партнеры обеспечивали компании «Экипажи Дэйвенпорта» лидерство на рынке. Немногие стали бы в открытую проявлять по отношению к Дэйвенпортам грубость или враждебность, но все же это не мешало людям на них пялиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/markis_kristal/deyvenporty

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)